

100

ВЕЛИКИХ КРИМИНАЛЬНЫХ ДРАМ XX ВЕКА

100 великих (Вече)

Марианна Сорвина

**100 великих криминальных
драм XX века**

«ВЕЧЕ»

2016

Сорвина М. Ю.

100 великих криминальных драм XX века /
М. Ю. Сорвина — «ВЕЧЕ», 2016 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-8564-4

Загадочные преступления и шпионские истории, ограбления банков и похищения людей, убийства, замаскированные под самоубийства, и наоборот – самоубийства или несчастные случаи, расследуемые как убийства... В XX веке неразгаданных тайн и невероятных, запутанных историй было предостаточно. В этом веке войн и переворотов, шпионских скандалов и мафиозных заговоров множество странных событий оказалось погребено под спудом страха и молчания. О самых громких криминальных драмах прошлого века рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-4444-8564-4

© Сорвина М. Ю., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Введение	5
Начало бурного века	7
Запутанная история графа Комаровского	8
Роковая страсть графини Тригоны	13
«Коза ностра» и убийство четы Куоколо	17
Покушение на дона Лоренцо	19
Кровавый доктор Криппен	22
Дом полусотни скелетов Белль Ганнес	25
Смерть художника	27
Венок трагедий Пейо Яворова	30
Российские тайны	33
«Большое ограбление поезда»	34
«Луч смерти» инженера Филиппова	36
Дело Бейлиса	39
Опасная должность	44
Судьба Саввы Морозова	46
Загадка Николая Шмита	51
«До царя дойду, а своего добьюсь!»	54
Властитель умов и сердец	58
Военные тайны	63
Выстрелы в Сараево	64
Таинственные беглецы	67
Исчезновение Норфолкского полка	70
Королева шпионажа	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Марианна Сорвина

Сто великих криминальных драм XX века

Введение

Начинался XX век – век необычайных открытий и политических катаклизмов, век исключительной науки и неразгаданных тайн. Многие научные открытия и гипотезы, появившиеся к началу XX века, были связаны с криминальной темой.

В 1977 году англичанин немецкого происхождения Уильям Гершель, работавший полицейским в Индии, установил неизменность папиллярного рисунка на пальцах человека. Открытие легло в основу новой науки – дактилоскопии. Уже в начале XX века дактилоскопия была введена в России, Англии, Австрии и других странах.

В 1880-е годы французский полицейский Альфонс Бертillon разработал для регистрации преступников антропологический метод с измерением тела виновного по 11 параметрам. В сущности, так мало, но и так много: теперь преступников различали хотя бы по капиллярам пальцев, которые можно внести в картотеку сыска.

Однако научные открытия порождали и псевдонаучные теории профилактики преступлений на основе антропологических черт человека. Так, итальянец Чезаре Ломброзо со второй половины XIX века писал о «прирожденном преступном типе личности» и предлагал заранее определять преступников по форме черепа и ушей. Прирожденных преступников он обозначил словами «*homo delinquent*» («человек преступный») и объявил, что уничтожение таких людей облегчит работу сыска на будущее.

Учение Ломброзо имело огромный резонанс и встретило как горячих поклонников, так и гневных противников. Одним из противников предвзятой доктрины был русский писатель Иван Бунин, сочинивший в 1916 году в стиле «арт-нуар» иронический рассказ о так и не пойманном серийном маньяке Адаме Соколовиче «Петлистые уши»:

«– А как же я того выроodka узнать могу, если он здоровый, как той кабан? – насмешливо спросил Левченко.

– А по ушам, например, – ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. – У выроdkов, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, вот на ту самую, которой и давят их.

– Ну, знаете! Убить всякий может, если разгорячится, – небрежно вставил другой матрос, Пильняк. – Я раз в Николаеве...

Соколович выждал, пока он кончит, и сказал:

– Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым выроdkам. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, – по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или *тайно накопившейся ненависти к человеку...*»

Эта подсмотренная русским писателем Буниным «тайно накопившаяся ненависть к человеку» превозмогла всё – она стала главной движущей силой новой эпохи. А XX век стал веком межнациональных катаклизмов и вызывающей ненависти к «иному», «другому» – иначе верующему и иначе мыслящему. То есть – веком публичности, статистики и мировых войн.

* * *

Уже накануне Первой мировой войны, в 1909 году, другой итальянский юрист Сципио Сигеле заметит эту публичность нового века и озаботится не отдельной преступной личностью, а целой группой агрессивных лиц, одержимых идеями. Наблюдая происходящие в начале XX века уличные беспорядки и предвидя дальнейшие массовые катаклизмы века, он издал в 1909 году книгу «La folla criminale» («Криминальная толпа»), посвященную тому, что всё чаще стало проявляться в городах, – экстремистской, криминальной сущности скопления людей. Тому, что видел Сигеле, и тому, чего ещё не видел и видеть не мог – пожару Первой мировой войны, а потом и Второй мировой: то был коллективный век.

Своей работе Сципио Сигеле предпослал цитату криминолога Энрико Ферри: «От соединения личностей в результате никогда не получается суммы, равной числу их единиц». Пафос этого высказывания понятен: когда личности под воздействием любой идеи объединяются, они утрачивают свою индивидуальную неповторимость. Впрочем, сходное положение, независимо от Ферри, высказал австрийский философ и психолог Кристиан фон Эренфельс: «Целое – это некая реальность, отличная от суммы его частей».

Не оспаривая мнение Эренфельса в отношении личностей, хочется всё же возразить – не по поводу людей, а по поводу самих преступлений: каким бы частным, локальным, бытовым и даже прецедентно исключительным не было преступление, оно всегда является отражением эпохи и того географического ареала, в котором произошло. И все эти отдельные случаи, даже будучи на первый взгляд необычными и нетипичными, по-своему типичны. Они складываются в общую картину мира, как осколки складываются в большой калейдоскоп изменяющейся реальности.

Начало бурного века

Рассматривая различные криминальные истории, неожиданно приходишь к выводу, что XX век начался фактически не с 1900-го года, а с 1914-го. До Первой мировой войны человечество еще продолжало проживать век XIX – с его зловещими тайнами и великосветскими драмами; с его вестернами и авантюрами. До мировой войны это еще был «маленький» век – личный и камерный, как сюита. И таковы же были его преступления: даже акты политического террора напоминали внутреннюю, психологическую драму – как жертвы, так и преступника.

И, коль скоро итальянцы внесли такой своеобразный вклад в мировую теорию о преступности в начале XX века, начинать рассказ следует именно с них – с роковых страстей и безмятежно солнечной Венеции, где так любили отдыхать европейцы, в том числе и наши соотечественники. Венеция того времени никоим образом не сочеталась с преступными намерениями, но там происходили драматические истории, характерные для начала XX века – страстные и зловещие, темпераментные и романтические. Но в основе этих историй чаще всего были совсем не романтические деньги.

Запутанная история графа Комаровского

В те годы Венеция еще не кишела безумными туристами, а воды ее каналов не были загрязнены, как в наши дни, да и вообще экология напоминала о чудесных временах XVIII–XIX веков, когда русские художники вдохновенно писали венецианское утро, подернутое туманом, и маленьких изящных гондольеров на крошечных лодочках. Мир казался огромным, как рай, а человек в нем был спокоен и безмятежен. Но XX век надвигался неумолимо, а вместе с ним и та новая реальность, породившая запутанные преступления, в которые были вовлечены самые разные лица.

Очевидно, граф Комаровский тоже был безмятежен, потому что в то утро 22 августа 1907 года он мирно спал. Это спокойствие никак не вязалось с последующими свидетельствами о многочисленных угрозах, которые он получал по почте. 6 сентября пресса сообщала, что утром 22 августа «некто Наумов прибыл на гондоле к графу Комаровскому. Обманув бдительность прислуги, он проник в его спальню, произвел в графа пять выстрелов и не замеченным уехал из Венеции». Граф был тяжело ранен, но говорилось, что его жизни опасность не угрожает. Русскому консулу он заявил, что получил несколько писем с предупреждением: в Венецию прибудет русский с целью его убить. Значения этим письмам граф почему-то не придавал.

После покушения Наумов скрылся из Венеции, однако вскоре был арестован в Вероне, городе всемирно известных влюбленных, увековеченных Шекспиром. Ни один из выстрелов Комаровского не убил, но на этом дело не кончилось. Уже в первых числах сентября выяснилось, что граф находится при смерти. И тут события из солнечной Венеции перенесли в педантично преданную законам и бюрократии Вену. Выяснилось, что именно там, в столице Австрийской империи, граф Комаровский перед тем, как отправиться отдыхать с подружкой в Венецию, застраховал свою жизнь на полмиллиона франков. На оформлении страховки настаивала подружка – графиня из Киева Мария Тарновская, урожденная О'Рурк. При этом в Венеции она тайно от графа встречалась с любовником – неким мошенником Зайфером, поселившимся в том же отеле.

М.Н. Тарновская, П.Е. Комаровский и арестованный итальянской полицией Наумов

После покушения на Комаровского Тарновская успела сбежать из Венеции в Вену. Её приятель Зайфер был арестован австрийской полицией. Тут-то и выяснилось, что на самом деле он вовсе никакой не Зайфер, а московский адвокат, присяжный поверенный Донат При-

луков, склонный к роскоши и картежной игре. На свои увлечения адвокат истратил деньги клиентов и рассчитывал поправить дела с помощью страховки Комаровского. Вскоре он уже давал показания как организатор убийства, но утверждал, что истинным «мозгом» преступления была Тарновская, а сам он – жертва её женского обаяния и хитрости.

О, начало XX века! О, феминизированная эпоха поэтов и безумцев! Женщина-вамп безупречно организовала убийство. Безумно влюбленный юнец Наумов стал слепым оружием в руках коварной злодейки. Что это, как не бульварный сенсационный роман? Даже полиция поверила в эту пошлую романтическую историю. Равно как и во всякие психиатрические теории, появившиеся позднее с легкой руки 20 адвокатов, обслуживавших этот процесс. К арестованной графине даже приставили охрану, чтобы она ненароком не соблазнила присяжных и прокурора.

Тем временем 8 сентября Комаровский скончался, и дело приобрело резонанс. Здесь нельзя все-таки не объяснить, кем был для России граф Павел Евграфович Комаровский, дворянин с польскими корнями, владевший имением в селе Городище. Дедушка графа сочинял неплохие романсы, из которых наиболее известен «Дайте крылья мне перелётные» на музыку Даргомыжского. В своем имении Павел Комаровский собрал библиотеку свыше 10 тысяч книг конца XVIII века. Здесь были сочинения по истории, музыке и естественным наукам на нескольких языках. Любитель искусства, меценат и организатор съезда российских пожарных в 1899 году, граф был известным благотворителем. В Орловский губернский музей он передал коллекции древнерусских крестов и образов, серебряные монеты, древние рукописи. Входил в Орловскую губернскую ученую архивную комиссию, был членом Орловского общества любителей изящных искусств и председателем выставочного комитета первой художественной выставки в Орле в 1896 году. В 1904 году он ушел добровольцем на русско-японскую войну и проявил редкое мужество. За бой 26 мая 1904 года под Сюяном на Фынхуанченской дороге Комаровский был награжден орденом Святого Станислава, а в 1905-м – медалью «В память русско-японской войны».

И вот этот храбрый и весьма деятельный человек оказался жертвой вполне заурядной шайки мошенников, которых интересовало только его наследство. Причем Комаровский был, как выяснилось, не единственной жертвой преступников: смертельная опасность подстерегала всю его семью.

27 сентября итальянские газеты сообщали, что при обыске квартиры Тарновской были найдены письма, из которых следовало, что Прилуков и графиня хотели избавиться не только от Комаровского, но и от его сына Евграфа – прямого наследника. В случае его смерти всё имущество переходило Тарновской. Комаровский успел обручиться с ней, но её бракоразводный процесс с Василием Тарновским затягивался.

К тому моменту графиня уже сомневалась в том, что хочет замуж за недавно овдовевшего графа. Проще было устранить его и завладеть имуществом, и она собиралась прибегнуть к помощи наивного, влюбленного юноши. Таким юношей оказался Наумов, которого она встретила в Орле, куда приехала с Комаровским. Наумова считали сумасшедшим, рассказывали, что в детстве его случайно ударили лодочным веслом. Мария Николаевна быстро приобщила юношу к мазохистским играм – стегала кнутом, гасила о его руку сигареты. А он видел в ней кумира и клялся в верности. Если бы Наумов убил графа, его посчитали бы свихнувшимся влюбленным и закрыли дело. На это и рассчитывали Мария и Прилуков.

Но Тарновская не предполагала, что её замысел раскроется и вызовет такой шум. Австрийский суд вдруг решил докопаться до корней этого дела и эксгумировать тело жены Комаровского – певицы и виолончелистки Эмилии Редер, умершей год тому назад. Смерть Эмилии ранее не вызывала сомнений: она вслед за мужем ушла на фронт медсестрой и в Маньчжурии заболела редкой болезнью – геморрагической лихорадкой с почечным синдромом. Тогда, в 1907 году, граф поселился с больной супругой на острове Лидо в отеле

«Эксельсиор». Тарновская и Прилуков прогуливались по променаду и вдруг увидели Комаровского, везущего инвалидную коляску.

«Что с вами, Эмилия?! – вскричала Мария, ранее немного знавшая Комаровских. – Вы больны? Как жаль! Я уверена, что мы еще будем пить шампанское вместе! Граф, я не видела вас после войны, вы, говорят, настоящий герой!»

Тарновская поведала графу свою историю: она вынуждена разводиться с ревнивым мужем, а Прилуков – её адвокат, с которым она случайно встретилась в поезде. Несчастье сблизило их. Тем временем Эмилия чувствовала себя плохо и заснула в обществе сиделки. Сыном Комаровского занималась английская гувернантка. Музыка, шампанское, пряный дух Лидо и курортного сентябрьского вечера ударили графу в голову, и он уединился с красивой графиней в отдельном номере – не для страсти, для душевного разговора. Они вспоминали прошлое и жаловались друг другу на жизнь. Супруга Комаровского болела, ссорила его с матерью и сестрами. Муж Тарновской позорил ее перед всем миром, объявляя всех ее поклонников любовниками, одного из них убил на дуэли. Мария давно нравилась Комаровскому, но ухаживать за ней при страдающей жене было неприлично. И всё-таки он спросил: «Кошунственно, графиня, но если бы я вдруг стал вдовцом – мог бы я... рассчитывать на взаимность?» – «Вы хотите доказательств, граф? Смотрите же – я ничего не боюсь больше!»

Мария взяла графа под руку и, получив от горничной отеля заранее оплаченный ключ от номера, увела графа в альков, где продемонстрировала ему свою страсть. Через два часа они вернулись: он – к больной жене, она – к Прилукову. «Ну и как это было?» – спросил Прилуков, скрывая обиду за циничной иронией. «Да не особенно, – бесстрастно ответила графиня. – Но мне кажется, при правильном ведении дела мы сможем решить твои проблемы с кредиторами».

Запутавшийся в долгах Прилуков понял, что имеет дело с женщиной-вамп: такие в то время очень ценились. Её воля и характер могли решить все его проблемы. А она, коварная соблазнительница, останется верной ему – сообщнику: ведь нет близости большей, чем преступный замысел. И присяжный поверенный, вдохновленный преступной страстью, вечерним поездом выехал в Вену, где ему надлежало оформить документы, закупить яды, быстро перечитать новые исследования по судебной медицине и проделать некоторые эксперименты для устранения членов этой семьи.

А Мария стала помогать графу. Она мастерски делала Эмилии инъекции, а вечером ублажала ее мужа, обещая спасение его жене и вечную, безвозмездную любовь к нему. Но состояние Эмилии не улучшалось, её мучили тяжелые боли. Венецианские врачи порекомендовали Комаровским отправиться в Дрезден, где есть клиника тропических болезней Святого Иосифа Штифта. После этого Эмилия умерла. На эксгумации тела настаивали её еврейские родственники. Они подозревали, что скоропостижная смерть была вызвана подменой лекарства ядом, ведь Тарновская легко могла это сделать, чтобы ускорить процесс воздействия на графа. Однако никто не захотел вновь открывать это дело, и в особенности итальянцы, спешившие быстрее закончить процесс.

В январе 1908 года газеты сообщали, что арестованная графиня Тарновская пыталась повеситься в венецианской тюрьме, но была спасена. Слухи оказались ложными. Графиня действительно находилась в тюрьме, как и ее сообщники, но вешаться вовсе не собиралась, даже, напротив, говорила, что хочет начать новую жизнь. Сообщалось также, что суд над заговорщиками состоится весной 1908 года, однако русские власти устроили канитель с нужными юридическими справками, поэтому пришлось отложить процесс еще на несколько месяцев.

К тому моменту дело стало настолько заметным, что ведущие газеты Европы и Америки намеревались по телеграфу освещать судебный процесс в Венеции, куда передали преступников. Прилуков затребовал вызова новых свидетелей по делу Комаровского, но судеб-

ные власти Италии хотели закончить расследование к декабрю 1908 года. Тем временем мать графа Комаровского Элеонора Ивановна Орлова прониклась сочувствием к юному убийце Наумову и объявила, что он – жертва Тарновской, как и её сын. Адвоката Наумова это воодушевило, и он впервые ввел в юридический обиход версию преступного гипноза, который Тарновская якобы применила к его подзащитному. По настоянию защитника в сентябре 1908 года к делу подключились профессор психиатрии Феррара и директор психиатрической лечебницы Кавелетти, протестировавшие умственные данные Наумова и признавшие его «слабоумным истериком, не отвечающим за свои поступки».

Видимо, под влиянием этих новомодных психиатрических идей корифей итальянской гинекологии профессор Луиджи Босси заявил 9 марта 1910 года, что и сама Мария Тарновская одержима психическим расстройством, но чисто женским – манией «уничтожения» своих любовников. Обсуждалась и загадочная славянская душа, склонная к саморазрушению. После этого происходящее в Венеции юридическое разбирательство приобрело совершенно театральный, оперный характер, не имевший никакого отношения ни к науке, ни к действительности. Обвиняемых привозили в здание суда на гондолах. По обеим сторонам набережной толпились корреспонденты и зеваки. Тарновская являлась на процесс в эффектном трауре с черно-бордовыми кружевами. Одержимой публике, с самого утра осаждавшей здание суда, продавали билеты в зал, где проходило слушание.

21 мая 1910 года в половине восьмого присяжные, заседавшие три часа, вынесли вердикт о виновности. Камеристка графини, мадемуазель Перье была оправдана. Наумова суд приговорил к 3 годам и 4 месяцам, графиню Тарновскую – к 8 годам и 4 месяцам, Прилукова – к 10 годам.

Подобные жизненные драмы с привкусом адюльтера чрезвычайно интересовали писателей того времени, а в Италии они пользовались особенным успехом. Поэтому не было ничего удивительного в появлении на процессе поэта и драматурга, эстета и скандалиста Габриеле Д'Аннунцио, отличавшегося эпатажными выходками и любовью к салонным мелодрамам, которые он не только писал, но и успешно создавал сам. Его ближайшими друзьями были националисты и анархо-синдикалисты. Его женщинами – психопатки, в том числе и выдающиеся. Из любви к Д'Аннунцио великая итальянская актриса Элеонора Дузе резала себе вены, маркиза Карлотти ушла в монастырь, а графиня Манчини попала в сумасшедший дом.

Больше месяца Д'Аннунцио следил за развитием событий в Венеции и сочинял пьесу о роковой графине Тарновской. У него уже были предложения от ведущих итальянских театров на постановку этой эффектной пьесы.

Убийца Наумов отсидел свой срок и вскоре после освобождения умер. Прилукову после венецианской тюрьмы предстояло еще ответить за растрату казенных денег в России. Тарновскую вскоре помиловал итальянский король Виктор Эммануил. Видимо, не без влияния Д'Аннунцио.

Писатель Валерий Брюсов в 1913 году сочинил скандальную повесть «Последние страницы из дневника женщины», в героине которой угадывались черты Тарновской. Эгофутурист Игорь Северянин написал сонет «Тарновская»:

По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик, —
Она томилась с детства. В прейскуранте
Стереотипов нет её мечтам
Названья и цены. К её устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте!
Вот как-то не сказалось. В бриллианте

Есть место электрическим огням.

5 июня 1915 года, когда Италия уже отказалась от нейтралитета и ввязалась в войну, а на австро-итальянской границе шли бои, роковая графиня была освобождена из венецианской тюрьмы. Своим родным в Киев она сообщила, что переезды по воюющей Европе небезопасны, поэтому она задержится в Италии – в общежитии тихого французского монастыря под Миланом. Но в тот момент дело об убийстве Камаровского уже никого не интересовало, потому что начиналась «Grande guegga» – Великая война.

Роковая страсть графини Тригоны

Хроника начала 1910-х годов красноречиво свидетельствует о крайней нестабильности и разнородности итальянского общества. С одной стороны – голод и эпидемии, стихийные бедствия и множество жертв. С другой – роскошные салоны и виллы, полные пафоса письма, роковые адюльтеры и мелодраматические убийства, столь любимые поэтами и кинематографом.

25 сентября 1910 года появились сообщения о вспышке холеры в Неаполе. Через месяц, 24 октября 1910-го, побережье Амальфи было разрушено сильным наводнением, и пропитанная водой лава начала сползать на город. Здания рушились от порывов бури, как картонные домики. Поток, образовавшийся на склонах Везувия, уничтожал поселки, на дороги и садовые хозяйства обрушился град камней и грязи. Деревни острова Искья оказались полностью разрушены огромными валунами, скатившимися с горы Чито, дома и улицы снесены полностью, 200 человек погибли, многие остались без крова.

Но нищета никого не интересовала, в ней не было романтизма. И газеты, стремясь привлечь внимание невзыскательной и скучающей массы, гонялись за адюльтерами и кровавыми сенсациями, создавая культ эстетизма в аристократических домах Палермо, где «всё дышит атмосферой прекрасной эпохи, начавшейся вместе с закатом Европы, но сохранившей свои живительные корни на Сицилии, где она превратилась в стиль жизни».

* * *

2 марта 1911 года, ранним утром четверга, Италия была отвлечена от стихийных бедствий и политических событий жестокой криминальной драмой, развернувшейся в отеле «Rebecchino» напротив железнодорожного вокзала Термини в Риме. Всю страну потрясло убийство первой красавицы Сицилии – графини Джулии Тригоны Таска Ди Куто Де Сент-Элиа.

Пятая дочь принцессы Джованны Куто Филанджиери и эксцентричного художника, графа Джованни Лучио Таска Ланца, Джулия Тригона была любимой фрейлиной королевы Елены – супруги императора Виктора Эммануила III. Черногорская принцесса Елена (в девичестве – Петрович-Негош, или Елена Де Монтенегро) сама не чужда была романтических настроений и вышла за итальянского императора, сменив против воли родителей вероисповедание с православия на католицизм. Ей импонировал страстный характер фрейлины Джулии, однако она неоднократно предупреждала молодую женщину от опрометчивых романов.

В 15 лет Джулия вышла замуж за политически активного графа Ромуальдо и к 30 годам имела двух дочерей, что не мешало ей вести активную светскую жизнь. Главной причиной ее романов была обида на многочисленные интрижки ее мужа-политика.

Утром 2 марта 1911 года графиню из ревности зарезал в гостиничном номере ее любовник – кавалерийский лейтенант барон Винченцо Патерно. Сам убийца сразу попытался покончить с собой, но пуля, которую он выпустил себе в голову, застряла у основания черепа, и он остался жив.

Услышав стоны, в номер вошли служащие отеля. Их ожидала жуткая картина, достойная кинематографической мелодрамы: зарезанная графиня лежала на кровати рядом с окровавленным бароном, который был еще жив.

Первые встречи Джулии Тригоны и Винченцо состоялись в Палермо, столице Сицилии

В груди женщины торчал дешевый охотничий нож, который убийца купил в соседнем магазине, не забыв при этом получить грошовую скидку, о которой свидетельствовал лежавший на столике чек, впоследствии ставший вещественным доказательством обвинения: любовь и ревность едва ли сочетаются с меркантильностью.

В целом же это преступление носило настолько театральный характер, что сразу превратилось в сенсацию, живо обсуждаемую в обществе. Скандальную историю освещали все газеты страны, уставшие от не столь интересных жертв холеры и наводнений. «Это кошмар, видение из дурного сна», – темпераментно писала на следующий день «Il Corriere della Sera».

Сенсационную окраску этому делу придавало еще и то, что в нем были замешаны известные личности из окружения графини: ее брат Алессандро Таска – второй человек в социалистической фракции парламента; муж, граф Ромуальдо – недавний мэр Палермо. И наконец друг графини – всё тот же скандальный поэт Габриеле Д'Аннунцио, завсегдатай светских салонов. Он не пропускал ни одной светской красавицы, и Джулия сразу вызвала у него восторг. Говорили, именно он познакомил жертву с ее будущим убийцей.

Первые встречи Джулии и Винченцо состоялись в Палермо, в салоне «Villa Igea» – особняке, где граф Игнацио Флорио давал роскошные приемы. Барон Патерно имел репутацию плейбоя и светского льва, хотя и сидел без гроша. Причиной разорения его семьи стали серные шахты отца, не приносявшие дохода.

Для Сицилии рубежа XIX и XX веков опрометчивая ставка на серные разработки и последующее разорение были типичны: аграрный кризис начала 1890 годов разорил многих владельцев серных шахт и вынудил их на слияние с конкурентами. Так жила и семья Луиджи Пиранделло – писателя, будущего лауреата Нобелевской премии. Его дед был известный гарибальдиец, мать вышивала гарибальдийские знамена, отец также примкнул к отряду тестя. Но когда война Гарибальди закончилась, возникла необходимость приспособливаться

к гражданской жизни, и отец Пиранделло занялся серными шахтами. Его неспособность вести дела довела семью до банкротства. Луиджи Пиранделло пришлось согласиться на «matrimonio di convenienza» – несчастливый брак по расчету с дочерью отцовского партнера по бизнесу. Жена писателя, неграмотная сицилийская провинциалка, ревновала его к таланту, славе, знаменитым друзьям. Она попала в психиатрическую клинику из-за попытки убить супруга ножом во время сна.

Но в тот год, когда происходили описываемые трагические события в римском отеле, Пиранделло уже был известным драматургом, а его пьесы ставились в театре «Метастазио».

В отличие от Пиранделло, барон Патерно пьес не писал. Он писал письма светским красавицам. В одном из таких напыщенных и пошлых писем, адресованных графине Джулии, говорилось: «О, радость моих чувств! Ваши губы, полные медовой сладости, сводят меня с ума! Я отдам всё, чтобы быть с вами!» На суде адвокат Патерно представил это письмо как доказательство истинности чувств обвиняемого.

Но в одном защитник просчитался: в качестве вещественного доказательства фигурировала и наградная Георгиевская медаль – «безделушка», с легкостью подаренная бароном своей возлюбленной. Адвокат хотел показать, что такой подарок подчеркивает глубину чувств обвиняемого. Но поступок Патерно вполне объясняли циничные слова из его дневника: «Всё, что этот мир называет долгом и честью, мне кажется трусостью и глупостью». Это настроило суд и общественность против убийцы, легкомысленно относившегося к наградам родины. Против Патерно сыграл и тот факт, что он несколько раз брал у графини деньги взаймы, а значит – имел корыстные интересы и вёл себя как альфонс.

Такие, как лейтенант Патерно, обычно становятся не писателями, а музами для писателей, персонажами романов. Позднее убийца действительно превратился в романтического героя бестселлера Томазиди Лампедузы «Il gattopardo» («Леопард»), написанного в 1930 году и опубликованного после смерти писателя. Позднее появилась экранизация этого романа режиссера Лукино Висконти с Бертом Ланкастером, Клаудией Кардинале и Аленом Делоном в главных ролях.

На страницах книги Лампедузы Патерно представал бабником и игроком, блестящим офицером кавалерийского полка «Фоджа», известным буйным нравом и стремительными победами, любившим пускаться в сомнительные предприятия и привлеченным ярким светом салона Флорио. Джулия, по словам писателя, была «одной из самых красивых женщин Палермо и героиней светской жизни». Общество Палермо «видело в ней лишь доброе, безмятежное и несколько противоречивое существо. Но Джулии этого было мало. Она лелеяла мечту о великой романтической любви, и ее драматическая история заставляет думать о ней, как о сицилийской Эмме Бовари».

Впрочем, в этой истории многое выглядело неромантично. Джулия после родов болела и упрекала Ромуальдо в холодности и изменах, а потом сама начала в отместку флиртовать с офицерами. Наконец они оба решили развестись, вопреки воле семьи. Но у известного политика не нашлось денег на бракоразводный процесс, и Джулия согласилась продать свой земельный участок. В юридических делах ей помогал адвокат Серрао. Он же открыл ей глаза на корыстные мотивы лейтенанта Патерно, который вовсе не был преданным влюбленным и явно хотел получить доступ к ее счёту. Тогда графиня и решила порвать с любовником.

Патерно не нравился адвокат Серрао, настроивший возлюбленную против него. Лейтенант устроил сцену ревности, кричал, что она увлеклась адвокатом, и в порыве гнева сорвал с ее шеи медальон. Глупо было соглашаться на «последнее свидание» в номере отеля, но графиня отличалась сентиментальностью: ей казалось, что отношения надо закончить красиво – трогательным прощанием. В номере между ними вновь вспыхнула страсть, о которой рассказала горничная, подсматривавшая в замочную скважину. Эта последняя встреча и стала для графини роковой.

Императрица Елена, узнав о гибели фрейлины, слегла от переживаний. Когда гроб с телом графини перевозили из Рима на Сицилию, по всему пути следования поезда стояли толпы людей. Суд состоялся через год – 17 мая 1912 года. Он закончился 28 июня вынесением приговора о пожизненном заключении для Патерно. Процесс в Риме наделал много шума, против убийцы были настроены средства массовой информации. Известный психиатр Филиппо Сапорито обследовал Патерно в судебной тюрьме Аверс и признал его нормальным. Красноречие знаменитого адвоката Веччини, утверждавшего, что его подзащитный был ослеплен страстью и ревностью, оказалось совершенно бессильным. Подсудимому не помогла даже попытка самоубийства. Присяжные заседатели приветствовали формулировку обвинения, гласившую, что Патерно хотел воспользоваться активами графини, и его попытка самоубийства была лишь инсценировкой. Развернулись драматичные сцены со свидетелями. Особенным успехом пользовался адвокат Серрао – главный советчик графини, возбудивший ревнические подозрения убийцы.

В газете «Il Giorno» говорилось: «Какие чувства в наибольшей степени вызывает «Ошибка Джулии Тригоны»? Она отдала свою жизнь как молодая женщина и любящая мать, она увидела ужасную смерть прямо перед глазами. Это для всех большое горе, которое никогда не сотрется из нашей памяти. И лишь ниспосланная Богом покаянная молитва за все невинные души нужна сейчас мученице Джулии Тригоне».

В 1942 году в возрасте 62 лет барон Винченцо Патерно был помилован. После освобождения он еще успел жениться, имел сына и умер в 1949 году.

Предметы, связанные с убийством – окровавленный платок, локоны графини со шпильками и дешевый охотничий нож с ручкой из оленьего рога, – оказались в музее криминалистики Рима, где и находятся до сих пор...

«Коза nostra» и убийство четы Куоколо

Почти в то же время, когда в Италии разворачивались две великосветские салонные драмы – с Марией Тарновской и Джулией Тригоной, – в старинном этрусском городке Витербо, недалеко от Рима, началось заседание суда присяжных по делу об убийстве супругов Куоколо. Было 10 марта 1911 года. Этого процесса ждали пять лет, и готовился он с беспрецедентными мерами предосторожности. На скамье подсудимых оказалось 45 человек, и это было бы удивительно, если бы на процессе не прозвучало малоизвестное слово «каморра».

Интерес к судебному процессу испытывали в основном юристы, политики и журналисты, поскольку именно с дискуссии на суде началось широкое обсуждение организованной преступности, которой раньше не придавали значения. Теперь необходимость создания специальных комиссий и введения жестких мер по борьбе с групповыми преступлениями была очевидна, а процесс Куоколо стал первым судебным разбирательством, на котором обвиняемыми оказались многочисленные члены неаполитанской мафии.

Преступление было совершено еще 5 июня 1906 года. Первым в местечке Торре дель Греко был зверски убит вор в законе Дженао Куоколо – один из лидеров «коморры», специалист по квартирным кражам и владелец ресторанного бизнеса. На следующий день в Неаполе бандиты расправились с его женой и сообщницей, бывшей куртизанкой Марией Кутинелли. Существовала также версия, что супруги на самом деле были тайными осведомителями полиции, за что и поплатились. Но дальнейшего подтверждения версия не получила.

К 1911 году большая часть населения успела уже позабыть об этом убийстве пятилетней давности. К тому же сами жертвы – уголовник и его жена-проститутка – не вызывали такого горячего сочувствия, как прекрасная графиня Джулия, погибшая из-за любви незадолго до процесса Куоколо.

Суд по делу Куоколо закончился в 1912 году, и обвинение было предъявлено 26 лицам. Процесс освещали множество средств массовой информации, говорилось, что в ходе следствия и судебной процедуры были допущены нарушения, что полиция в сговоре с преступниками и манипулирует свидетелями и доказательствами. Благодаря показаниям осужденного Дженао Аббатемаджио удалось доказать преступный сговор и участие в убийстве двух главарей мафии – бруклинского «короля»¹ Энрико Альфано по кличке «Эрриконе» и Джованни Рапи по кличке «Маэстро».

В ходе первоначального следствия детективы выяснили, что Альфано и несколько других «авторитетов» ночью, накануне убийства, посетили ресторан Куоколо. Через пять дней после убийства сам Альфано, его брат Чиро, а также Дженао Ибели и Джованни Рапи были арестованы по подозрению в убийстве.

Но тут священник Чиро Витоцци, тоже член «каморры», сказал детективам, что слышал на исповеди другие признания, но связан обетом молчания, и арестованных освободили. Это может показаться странным, но поведение следователей можно объяснить растерянностью, вызванной многочисленными местными традициями, условностями и религиозными догмами. Очень скоро они поняли свою ошибку, но Альфано уже след простыл.

Едва освободившись, гангстер не стал ждать дальнейшего развития событий и уехал в Марсель. Оттуда на лодке он направился в Нью-Йорк и по прибытии был восторженно встречен несколькими своими партнерами из Неаполя. Впоследствии он пользовался в США большим уважением как признанный авторитет и стал мафиозным «королем» Бруклина.

¹ «Королем» бруклинской мафии Альфано стал уже после своего бегства в США в 1906 году.

Однако летом 1906 года шеф нью-йоркской полиции Джозеф Петрозино получил из Италии официальное уведомление о том, что обвиняемый в убийстве Альфано находится на подведомственной ему территории. Петрозино также узнал, что Альфано недавно устроил банкет в местном ресторане для своих товарищей по преступной группировке и что в обход закона он держит игорный дом в подвале на улице Малбери. 17 апреля 1907 года Петрозино и его агенты обыскали квартиру Альфано и арестовали его. Вскоре после этого он был экстрадирован в Италию, где ему надлежало предстать перед судом за убийство Куоколо. До суда дошли слухи о том, что Альфано за эту выдачу итальянским властям заочно «приговорил» шефа полиции Петрозино к смертной казни. И, когда в 1909 году Петрозино действительно был убит во время посещения Палермо, никто уже не сомневался, что это дело рук людей Альфано.

Энрико Альфано (в центре) и другие члены мафии перед дверями суда в Витербо

Слушания дела по убийству Куоколо вызвали большой резонанс. Пресса патетически назвала суд «Самым крупным уголовным процессом века». Альфано отрицал все обвинения. В ответ на брошенные прокурором слова: «Рыба гниет с головы!» он произнес знаменитую фразу: «Я никогда не был ни головой, ни хвостом “каморры”!» Альфано собирались предъявить обвинения и в убийстве Петрозино, но не смогли представить доказательства. В итоге Альфано и его сообщники были приговорены к 30 годам заключения.

В 1926 году сотрудничавший с полицией Аббатемаджио под давлением оставшихся на свободе членов клана отказался от своих показаний против Альфано и Рапи, однако в полиции дело пересматривать не стали².

² Alfano holds stage at Viterbo assizes. NYtimes, 1 April 1911; Arena and Vittozi confront informer. NYtimes, 7 May 1911.

Покушение на дона Лоренцо

Наряду с салонными драмами и преступной деятельностью «каморры» в предвоенной Италии практиковались и политические убийства неугодных политиков, причем в этих преступлениях правительственные структуры охотно опирались на мафию.

16 мая 1911 года в сицилийском городе Палермо на улице Сан-Стефано был убит 46-летний лидер социалистов Лоренцо Панепинто. Художник и педагог, Панепинто был активным социал-демократом и аграрным синдикалистом, издавал журнал *La Plebe* («Плебеи») и был горячо любим простым народом. В 1889 году он стал членом городского совета и председателем комитета региональной федерации социалистов Агридженто. Его интересовали вопросы аграрной политики и положение крестьянства.

В 1889 году он основал *Fasci Siciliani* (Лигу сицилийских рабочих) – сильное, но весьма причудливое движение, которое достигло своего политического расцвета к 1893 году. Лига оказалась неоднородной: наряду с защитниками прав сельскохозяйственных рабочих в нее входили религиозные проповедники и революционеры-радикалы, а в штабе Лиги на стенах соседствовали распятие, красный флаг, портреты Гарибальди, Мадзини, Карла Маркса и императора. Эта пестрота объяснялась достаточно просто: социализм рассматривался сицилийским крестьянством как новая религия, истинная религия Христа, преданного священниками, перешедшими на сторону богачей. Социалистическая религия предрекала зарождение нового мира, свободного от нищеты и голода, руководствующегося божьей волей и заповедями.

Лоренцо Панепинто

С этим был связан и приток в Лигу большого количества религиозных женщин. Демонстрации Лиги носили религиозный, марксистский, иногда милитаристский характер.

Но главным вкладом Лоренцо Панепинто в дело трудящихся Сицилии было введение закона об охране труда и утверждение первого документа об оплате «ex feudo». Прекратилась паразитическая и бессистемная, ничем не ограниченная эксплуатация сельскохозяйственных рабочих.

Эти законодательные достижения учителя-социалиста не могли понравиться ни властям, ни «каморре». В январе 1894 года правительство под руководством Франческо Криппи ввело чрезвычайное положение, разогнало Лигу и арестовало ее руководителей. Когда Панепинто лишился возможности заниматься политикой, он ушел в педагогику.

Однако к 1910 году его престиж среди рабочих Сицилии значительно вырос, поскольку именно к началу Первой мировой войны в Италии активизировалось красное движение. Именно в такие моменты политических обострений начинаются устранения наиболее энер-

гичных лидеров. Нет никакого сомнения в том, что убийство было тщательно организовано и наемники мафии стали исполнителями чужой воли.

В ночь запланированного убийства, якобы по ошибке осветителей города, не горели уличные фонари, и стояла непроглядная темень. Это позволило убийцам близко подойти к жертве. Случайной свидетельницей преступления стала проститутка, проходившая по улице и видевшая преступника в лицо. Она могла бы дать показания, но на следующее утро бесследно исчезла.

На похороны Панепинто собрались все члены Лиги, чиновники города, простые крестьяне. Женщины были в красных одеждах, как они обычно одевались на демонстрации. Тогда и сочинили песню, посвященную дону Лоренцо.

Позднее, уже в 1977 году, ее обработала и исполнила известная сицилийская певица Роза Балистрери³. Зонг назывался «Storia Per La Morte Di Lorenzo Panepinto» («История смерти Лоренцо Панепинто»)⁴:

Шестнадцатого мая, в первый вечер
Погашенной луны и фонарей,
Предатели отправились на встречу
И ждали вероломно у дверей.
Тогда страна как в омут погрузилась
Кругом царит отчаянье, печаль...
И дочь его приехала проститься,
Ее здесь всем безмерно было жаль.
Так девочка осталась сиротою,
Совсем еще ребенок, вот беда.
Как раньше, окруженный беднотою,
Уходит дон Лоренцо навсегда...

Было очевидно, что впервые государственные структуры выступили заказчиками, а мафия – исполнителем. Убийство Панепинто так и не было раскрыто, но стало перекрестком, соединившим политическую и уголовную историю страны на долгие десятилетия.

³ Роза Балистрери (Rosa Balistreri) (21 марта 1927 – 20 сентября 1990) – сицилийская певица и гитаристка.

⁴ Перевод с итал. М.С.

Кровавый доктор Криппен

Великобритания начала XX века еще жила имперскими идеалами, парламентскими страстями и криминальными историями, сделавшими ее неоспоримой королевой детектива. Английская криминальная драма загадочна уже тем, что всегда разворачивается за закрытыми дверями, невидимо для общества. Но это и вызывает наибольший интерес, потому что перед нами увлекательная головоломка.

Еще в 1960 году Чарльз Диккенс с азартом писал статьи о нашумевшем судебном процессе т. н. «Убийства на Роуд-Хилл». Подлинная криминальная драма – убийство трехлетнего ребенка в доме, принадлежавшем большой и вполне добропорядочной семье Кентов, обвинение в убийстве 16-летней гимназистки, сестры мальчика – всё это казалось таинственным, необъяснимым. И великий английский писатель не мог остаться в стороне. Это туманное дело, несмотря на признание девушки, так и осталось не выясненным до конца: существовала версия, что Констанс Кент просто покрывала кого-то другого, поэтому взяла вину на себя. Интересно, что больше всех Констанс любила своего 14-летнего брата Сэмюэла, который стал впоследствии очень известным ученым. После многолетнего заключения Констанс уехала к брату в Австралию и дожила там до 100 лет.

Последователем Диккенса в описании документальных преступлений был и Артур Конан Дойл, сочинивший историю Британии через призму расследований сыщика Шерлока Холмса. Убийство в закрытом помещении стало и его коньком. Британцы бдительно охраняют свое жилище от посторонних. Эта традиция перекочевала и в XX век.

* * *

В начале февраля 1910 года лондонская певица мюзик-холла Кора Тёрнер, выступавшая под сценическим псевдонимом Бель Элмор, исчезла. Долгое время её судьбой никто не интересовался. Лишь 30 июня знакомые Кору – феминистка Кейт Уильямс, актер Нэш и эстрадный пантомимист Пол Мартинелли обратились в Скотланд-Ярд с очень странной историей.

Кора, настоящее имя которой было Кунигунда Макамоцки, жила с мужем, американцем из Мичигана, в Северном Лондоне. Криппен не имел британского диплома врача, но практиковал стоматологию и гомеопатию. У них был небольшой дом на улице Хиллтроп-Крисцент. Там 31 января артистку видели в последний раз – на вечеринке, где присутствовали Нэш, Пол Мартинелли и его жена Клара. Они ушли в полвторого ночи. С тех пор Бель Элмор никто не видел. 3 февраля от нее пришло два письма, в которых она сообщала, что в связи с болезнью вынуждена уехать в Калифорнию к родным. Почерк писем показался им подозрительным, да и муж Кору, дантист Хоули Криппен, вел себя необычно: начал выводить в свет свою секретаршу Этель Ли Нив, одаривал ее вещами жены – бриллиантовым колье и меховыми накидками, – а 12 марта поселил её в своем доме № 39 по Хиллтроп-Крисцент.

«Что всё это значит? – возмутился Мартинелли 24 марта. – Где Кора?»

«Произошло несчастье. Кора умерла от пневмонии, – ответил доктор. – Мне сообщили родственники из Лос-Анджелеса».

Ответ не удовлетворил, и тогда они отправились в полицию, где их принял инспектор Уолтер Дью. 8 июля Дью посетил дом на Хиллтроп-Крисцент и познакомился с Этель Ли Нив. Сам дантист был на работе, и его хладнокровие удивило Дью. Казалось, доктор был готов к визиту полиции.

Доктор Криппен и Бель Элмор

Он сказал инспектору, что на самом деле всё было не так: жена бросила его и уехала с состоятельным мужчиной, просто ему неприятно было в этом признаваться. Доктор охотно показал свой дом, согласился помочь отыскать Кору. Инспектору он показался честным и открытым.

Но когда 11 июля Дью необходимо было внести уточнения в заведенный протокол и подписать его, он уже не застал дома врача, который еще за двое суток до этого уехал, прихватив с собой любовницу. Тут инспектору и пришла в голову мысль обыскать дом. В подвале под кирпичным полом были обнаружены останки изувеченного тела в нижней сорочке. Эксперт Огастес Пеппер был немало удивлен, поскольку из тела оказались вынуты кости, снята кожа, голова пропала, и вообще кто-то позаботился, чтобы останки не идентифицировали. По мнению Пеппера, на такое был способен только профессиональный врач. Останки перевезли в морг, и там эксперт обнаружил затертую этикетку на сорочке, принадлежавшей ателье братьев Джонс Холлоуэй. Тело предположительно принадлежало женщине и находилось в подвале полтора-два месяца.

15 июля дело передали следователю Ричарду Мьюиру. Он предложил знакомым Кору опознать ночную сорочку, но это было лишь косвенным доказательством против доктора. К вечеру Пеппер, имевший хирургический опыт, смог обнаружить на одном участке тела след от хирургического шрама. Знакомые подтвердили, что Коре делали в Нью-Йорке гинекологическую операцию.

Доктор Криппен и его секретарша были объявлены в розыск. И тут вступил в дело телеграф – изобретение начала XX века, благодаря которому заурядное дело Криппена и обрело такую известность. Сообщение о розыске оказалось у капитана Кендалла с британского корабля «Монтроз», направлявшегося в Канаду. 20 июля Кендалл делал остановку в Антверпене и обратил внимание на двух странных пассажиров: на борт поднялись Джон Робинсон и его сын, приехавшие из Брюсселя. Описание доктора показалось капитану знакомым, да и сын пассажира вел себя как-то не по-мужски. Капитан заметил, что формы у

мальчика были женские. В общем, пассажиры больше походили на влюбленную пару. О своих подозрениях Кендалл передал по радиосвязи, а Криппену начал оказывать знаки внимания, чтобы усыпить его бдительность и взять под контроль. 31 июля, уже возле Квебека, доктор Криппен с переодетой любовницей были арестованы.

К моменту ареста Криппена Огастес Пеппер и светило криминалистики Бернард Спилсбери довели экспертизу до конца и с определенной долей вероятности могли утверждать, что останки принадлежали пропавшей жене Криппена. Беглецу предъявили обвинение, и 22 октября 1910 года состоялся суд присяжных. Спилсбери выступил с экспертным заключением. Адвокат Эдвард Маршалл Холл пытался доказать, что Криппен совершил убийство по неосторожности: он просто не рассчитал дозу успокоительного для жены, а потом пытался скрыть следы. Присяжных это не убедило, и они вынесли вердикт, что доктор виновен. 23 ноября Криппен был повешен. Этель освободили из-под стражи, и она уехала в США, где прожила до 1967 года. В одном интервью она утверждала, что причиной ненависти Криппена к жене стало то, что она из-за своих беспорядочных связей заразила его венерическим заболеванием.

Впоследствии дело Криппена стало классикой криминалистики, однако существовало много свидетельств и точек зрения, привнесших в это дело новые оттенки. Например, соотечественник Криппена из штата Мичиган, профессор Дэвид Форан провел анализ ДНК и объявил, что останки принадлежат не Коре. Но тут вспомнили, что, не имея в Англии легального диплома, Криппен не гнушался и подпольными абортами, после одного из которых вынужден был избавляться от тела умершей пациентки.

Некоторые утверждали, что доказательств вообще было недостаточно, Криппена засудили, а он вполне мог быть невиновным. Были те, кто сочувствовал доктору. Личность жертвы – Кору Тёрнер-Криппен – симпатий не вызывала. Она хотела стать звездой мюзиклов, но не добилась успеха, поэтому во всем винила своего жалкого мужа, издевалась над ним и находила себе любовников, даже не особенно скрываясь. Криппен же в силу слабости характера не мог спастись от ее диктата.

Уже припертый к стенке доказательствами, он не выразил раскаянья, лишь с грустью сказал, что эта женщина разрушила всю его жизнь, издевалась над ним, и он надеялся избавиться от нее хотя бы таким способом. Доктор просил похоронить вместе с ним фотографию Этель и ее любовные письма. Было ли это сделано, неизвестно: в Англии тела преступников хоронят тайно, без надгробий.

Рассказывали, что задержанный Криппен, проходя мимо капитана Кендалла, сказал: «Ты выдал меня, капитан, и ты тяжело страдаешь за это вот на этом самом месте. Будь ты проклят!»

Так и случилось: став через год капитаном крупного канадского судна «Эмпресс оф Айрленд», Кендалл каждый раз, проходя возле мыса Фатер, вздрагивал, вспоминая проклятие Криппена. А 29 мая 1914 года его корабль на этом месте потерпел крушение, вошедшее во все справочники мира. Оно унесло жизнь более тысячи человек, одним из которых был выдающийся британский актер Лоуренс Ирвинг.

История доктора Криппена запомнилась еще и потому, что выглядела уж очень «по-английски», оправдывая поговорку о том, что у каждого в шкафу свой скелет.

Дом полусотни скелетов Белль Ганнес

История норвежской эмигрантки Изабелль Соренсен Ганнес, урожденной Бринхильд Ларсен, прославившейся своими преступлениями в США, чем-то напоминает дело доктора Харви Кrippена. Правда, сублильного и недалекого доктора обвинили только в одном убийстве и поймали, а мощная женщина Ганнес смогла отправить на тот свет уйму народа и при этом ушла от наказания. Но есть общее – мрачный дух самого убийства, метод сокрытия трупов и ореол тайны домашнего очага – стен, за которыми творятся ужасные деяния.

Белль Ганнес ухитрилась убить более 40 человек, причем большинство из них были мужчинами. Совершенно непонятно, каким образом все эти люди с доверчивостью сайгаков отправлялись к ней на ферму, желая заключить брачный союз. Да и вообще непонятно, что мужчины находят в женщинах такого типа. Красотка Тригона или роковая львица Тарновская – ещё куда ни шло. Но Белль Ганнес ни прелестницей, ни роковой женщиной не была – благо, сохранилось много фотографий этого внушительных размеров монстра с грубым и злым лицом, чудовища, лишь отдаленно напоминавшего женщину. У нее даже имя было говорящее – Бринхильд: вспоминалась противница Зигфрида из «Песни о Нибелунгах» – воинственная героиня германской мифологии, которую никто не мог победить из-за её нечеловеческой силы.

Можно допустить, что новый век породил и новые реалии: феминизм, явление сильных (в том числе и физически) женщин, стремление множества одиноких, неприкаянных господ обрести властную и хозяйственную подругу. Так или иначе, она писала письма о своем желании завести семью, а все эти вполне состоятельные люди съезжались к ней на ферму, прихватив капиталы, и попадали в ловушку.

Существует также версия о том, что некогда на беременную Ганнес напал хулиган и, ударив в живот, лишил ребенка, за что она и возненавидела мужчин. Но это только версия.

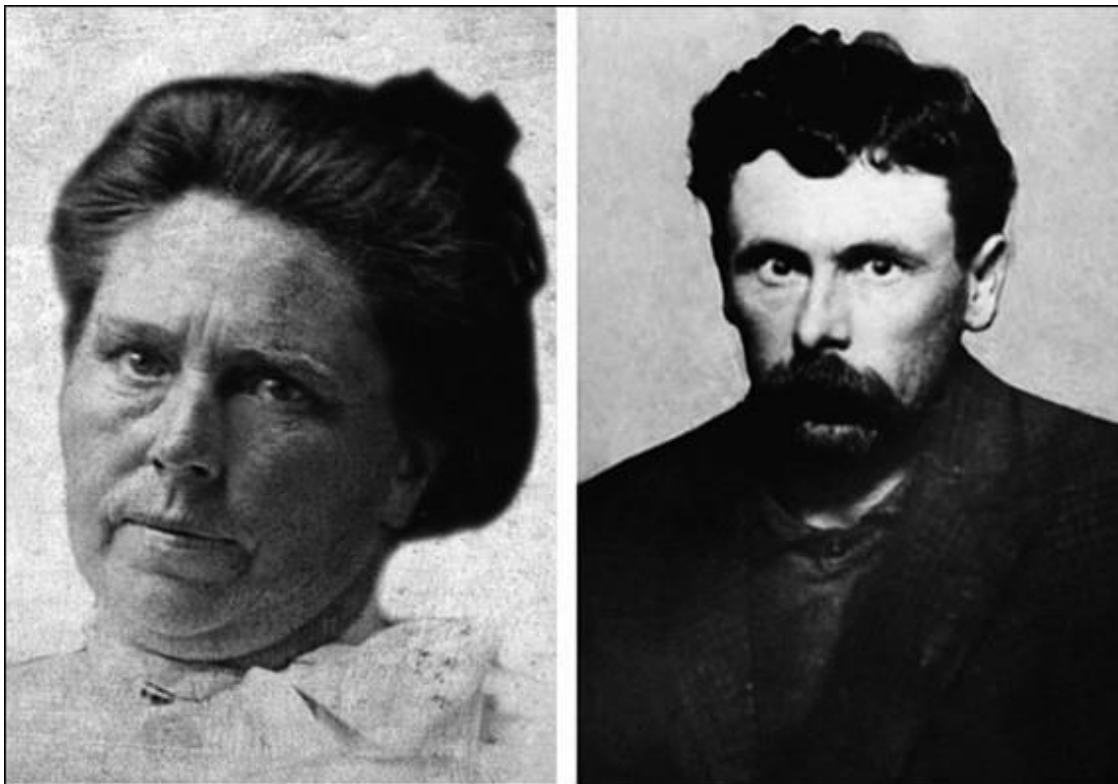
Бринхильд Ларсен была восьмым ребенком в семье. В конце XIX века желание перебраться в США никого не удивляло: туда за лучшей жизнью массово ехали итальянцы, ирландцы, немцы. Норвежцы – тоже. Уехали в 1881 году и две сестры из семейства Ларсен – Нелли и Бринхильд. Бринхильд сменила имя, устроилась служанкой, а в 1884 году вышла замуж за своего соотечественника Мэдса Соренсена, жившего в Чикаго. Дело шло неважно: магазин сторел, и они жили на страховку от пожара. Родились дети, но их тоже страховали, и впоследствии было замечено, что в семье Ганнес они часто умирали от колита, схожего с отравлением. Уцелело лишь трое. Пока.

Потом Соренсен в 1900 году тоже как-то быстро умер, и некоторое время доктора подозревали, что он отравлен стрихнином.

А Белль опять получила страховку и в 1902 году вышла за мясника Питера Ганнеса, вдовца с ребенком. Свадьба закончилась, и уже через неделю дочь мясника умерла от непонятной болезни. Еще через полгода произошел несчастный случай с самим Ганнесом, а его вдова, хорошо разбиравшаяся в страховых документах, получила 3 тысячи.

Тут она и начала печатать объявления о желании выйти замуж за приличного одинокого человека со средствами. Тридцать девять одиноких претендентов бросились на зов и бесследно исчезли в недрах её фермы.

Возникает законный вопрос: почему их не искали? Она старалась расспросить претендентов, есть ли у них родственники.

Белль Ганнес и Рой Ламфер

Но одного все же стали искать, и это стало проблемой для Белль. Нужно было совершить что-то исключительное, чтобы избежать преследования. И Белль написала заявление местному шерифу на своего работника Ламфера, который к ней пристаёт и грозит устроить пожар.

28 апреля 1908 года ферма Белль Ганнес действительно сгорела. Погибли и она сама, и трое её детей. Но вместе с ними были обнаружены еще более десятка скелетов неизвестных людей. Единственным подозреваемым оказался Ламфер, и его приговорили к длительному тюремному сроку: прямых улик на него не было.

Однако выяснилось, что Ламфер всё знал. Он дал показания, что его хозяйка уничтожила на ферме 39 человек самым варварским образом: трупы она растворяла в яме с негашеной известью или же скармливала свиньям. При этом не забывала забрать всё – деньги, вещи, чеки.

Вскоре выяснилось, что и план поджога был продуман. Накануне Ганнес подыскала себе служанку, схожую с ней по комплекции, а потом, переодев в свое платье и добавив для правдоподобия свой зубной протез, убила её и подбросила как собственный труп. Своих детей она тоже убила, а преступление собиралась повесить на Ламфера. Пока полицейские всё это поняли и раскопали, её и след простыл.

Кем была Белль Ганнес? Дьяволом или всё-таки его слугой – убогой и не одаренной чувствами и мыслями? Иногда судьба порождает такие существа, способные за свою жизнь развернуть небольшую войну – по количеству жертв Белль Ганнес уничтожила состав целого взвода.

Осталось маленькое сиротливое надгробие – общая могила множества останков, на которой написано: «В память о неопознанных жертвах Белль Ганнес (1908–2008)».

Смерть художника

Эта история стала самым загадочным расследованием Канады, которое и по сей день не дало результатов – одни лишь версии. Томас Томсон был одним из непутевых молодых канадцев конца XIX века, в котором, при всей его безалаберности и асоциальности, обнаружился удивительный дар. Он родился в обеспеченной и дружной семье и несколько лет скитался по городам, находя и бросая работу. А потом, уже после 30-ти лет, обрел свое Эльдорадо в канадской глуши – экзотическом парке Алконкин, возле которого находилось шотландское поселение Моуат. Здесь у Томсона был свой домик – неприглядная хижина, которую он посещал редко, предпочитая жить в лесной палатке, ловить рыбу и писать свои удивительные картины, очень талантливые, но непривычные для знатоков академической школы. Как художник Томсон был романтиком и импрессионистом, большая часть его творений написана пятнами. Яркость и буйство красок природы и точность найденных композиций свидетельствуют о гениальности. Сейчас картины Томсона стоят миллионы, его называют «канадским Ван Гогом».

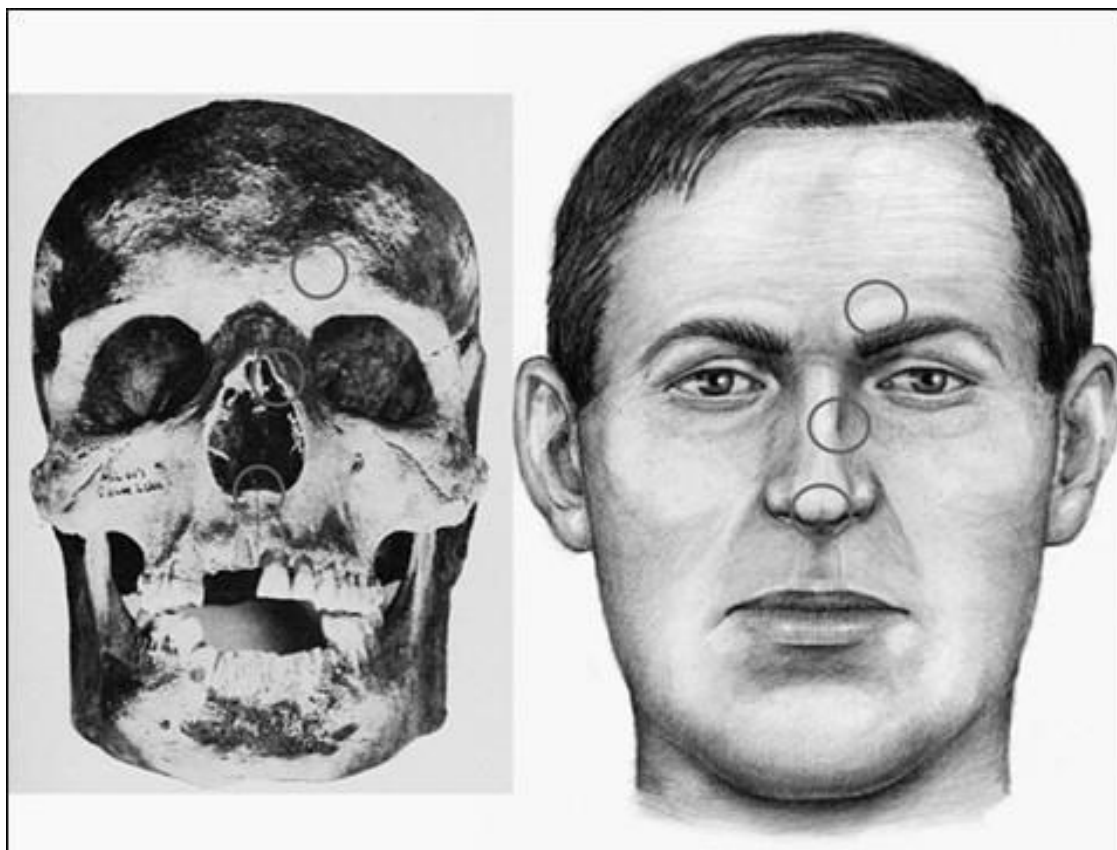
Томас нравился – и местным женщинам, приходившим к нему послушать занимательные истории и посмотреть картины; и мужчинам, с которыми он любил выпить пива и сходить на рыбную ловлю. Окружение Томсона было невелико. Лучший друг Марк Робинсон. Обаятельная Виннифрид Трэйнор, с которой он был помолвлен. Сын торговца-мебельщика, немецкий иммигрант Мартин Блетчер. Владельцы отеля Шеннон и Энни Фрезеры. Постояльца отеля Дафна Кромби, поклонница его живописи. Именно эти лица оказались вовлечены в дальнейшие события, развернувшиеся в деревне Моуат более чем на полвека.

В воскресенье 8 июля 1917 года Томас Томсон, взяв рыболовные снасти и еду, отправился на каноэ ловить форель. Около часу дня он отошел от берега, и это подтвердили Фрезеры. А через два часа его лодка была обнаружена Мартином Блетчером и его сестрой. Но Тома в каноэ не оказалось: оно было пустым, завалившимся набок и без весла.

10 июля под руководством суперинтенданта Джорджа Бартлетта начались крупномасштабные поиски Томаса, и утром 16 июля тело художника обнаружат в центре озера с синяком на голове и замотанной вокруг щиколотки леской. К тому моменту оно находилось в таком состоянии, что эксперт провел лишь поверхностный осмотр, согласившись с официальной версией несчастного случая. При этом воды в легких погибшего не было, а засохшей пены возле носа и рта, возникающей в результате утопления, не оказалось.

Знакомым художника было ясно, что столь нелепая смерть не могла быть случайностью, особенно для опытного пловца и рыбака, много лет работавшего лесником и проводником в местном парке. Леска, в которой он якобы случайно запутался, была обмотана вокруг ноги 16 раз, а синяк на голове напоминал след от удара веслом, которое бесследно исчезло.

Версий убийства Томаса Томсона оказалось несколько. Единственным человеком из окружения художника, ни разу не попавшим в число подозреваемых, был Марк Робинсон – близкий друг, многие годы пытавшийся расследовать это дело. В отношении остальных такой уверенности не было.

Места ударов на голове Тома Томсона

Виннифрид казалась многим косвенной причиной убийства: говорили, что она уже была беременна от Томаса и оказалась в трудном положении из-за консервативной канадской морали тех лет. После гибели художника она сломалась и утратила интерес к жизни. Её ребенок, по всей видимости, родился где-то на нелегальной квартире и был помещен в приют, а она доживала свои дни в роли старой девы и городской сумасшедшей.

Мартин Блетчер за день до смерти Томаса имел с ним стычку в местном баре, и по его фразе («Не стой у меня на пути, а то пожалеешь») некоторые решили, что речь идет о любовном треугольнике. Но, судя по записям в дневнике Марка Робинсона, он и Томас не ладили с Блетчером из-за мировой войны и немецкого происхождения Блетчера: Робинсон подозревал в нём шпиона, следящего за грузами на местной железной дороге.

Ещё одним возможным убийцей мог оказаться ресторатор Шеннон Фрезер, которому Томсон был должен денег. Узнав о предстоящей женитьбе художника, Шеннон, очевидно, захотел востребовать свой долг, и это вызвало ссору и драку. О том, что Томас поехал на рыбалку с удочками и едой, все знали только со слов Фрезеров, в то время как убийство могло произойти вечером в их отеле. Энни Фрезер отличалась рациональным мышлением, идея замаскировать убийство под несчастный случай на озере могла принадлежать ей. Существовало и некое свидетельство постоялицы отеля Дафны Кромби, которая слышала от Энни Фрезер, что Томсона убил её муж. Но это было известно лишь со слов Дафны, сказанных через 60 лет после гибели Томсона – 14 января 1977 года. Обоих Фрезеров в то время уже не было в живых, и нетрудно представить себе, что таким внезапным откровением престарелая дама хотела лишь возбудить к себе интерес журналистов.

Сама Дафна представлялась ещё более туманной фигурой рядом с Томсоном. Она приехала в Моуат из-за мужа-туберкулезника, которому нужен был свежий воздух. Но больной муж, находившийся в отеле Фрезеров, мало волновал Дафну. Она часто наносила визиты

в мастерскую художника и даже получила в подарок несколько картин. Интерес Дафны к живописцу напоминал пробудившееся чувство, которое могло перерасти в ревность.

Были и сторонние версии – о некоем ревнивом муже, которому не понравились визиты жены в мастерскую художника; о шпионах и диверсантах, контрабандистах и браконьерах, случайно встретивших Томаса.

Уже в 2009 году антропологи обнаружили новые данные эксгумации останков Томсона: в его голове имелось боковое отверстие, но не от пули, а от орудия, которым обычно проводится трепанация черепа. Это было дважды подтверждено экспертами и вызвало шок у исследователей гибели выдающегося канадского художника. Впрочем, действующих лиц этой таинственной истории уже не было в живых, а никакой ясности в деле Томсона так и не наступило.

Венок трагедий Пейо Яворова

Завершить эту невеселую главу хотелось бы возвращением к её началу – к тем самым богемным семейным тайнам, характерным для начала XX века, ставшего окончанием века девятнадцатого. Доктора, замуровывающие своих жен в подвалах, и фермерши, растворяющие поклонников в негашеной извести, производят тошнотворное впечатление. Но страсти, царящие в кругах высшего света и богемной интеллигенции, привлекают людей до сих пор. Такая загадочная история произошла и в старой Болгарии, где дамы посылали загадочные взгляды поэтам, а те воспевали их в своих сонетах и даже венках сонетов. Как Пейо Яворов – Лору Каравелову.

В этой истории сплелись судьбы двух выдающихся деятелей болгарской литературы – поэта-символиста Пейо Яворова и писателя Любена Каравелова. Первый был мужем жертвы, второй – её дядей.

Поздним вечером 29 ноября 1913 года Лора Каравелова долго и беспокойно ходила по своей комнате. Она только что ссорилась с мужем.

– Опять эта Дора Конова! Вызывающая, спесивая! Как не стыдно? Замужняя женщина!

– Ерунда, милая, – сказал Пейо Яворов. – Опять ты начинаешь. Она такая, какая есть. Просто мы были знакомы раньше, ты же знаешь. И что? Все женщины в литературных кружках кокетничают.

– Она не пошлая кокетка, нет! Она знает, чего хочет, и всё делает с умом! Никому не даёт вставить слова, блещет остроумием, хочет казаться лучше всех! А тебе она проходу не дает! Что, старое вспомнилось?

– Ты всё преувеличиваешь. Мы перемолвились всего парой слов. Ну почему, Лора? Почему ты хочешь испортить каждый вечер своими нелепыми подозрениями?

«Нелепыми? Ах, значит нелепыми?» – она вспомнила, как мать не советовала ей выходить за поэта («Они же легкомысленные»).

«Для вас, господа, всё нелепо!» – Лора додумывала оборванный диалог, оставшись одна, мерила шагами комнату, бессмысленным взглядом скользила по вещам, по старым фотографиям, вытащила из ящика бюро револьвер и долго в задумчивости поглаживала холодную рукоятку, а потом с какой-то грустной улыбкой выстрелила в себя, чтобы покончить со всем этим.

Любен и Лора Каравеловы, Пейо Яворов

Лора Каравелова не хотела напугать мужа, она не пробовала покончить с собой для виду, не до конца, чтобы разжалобить, как поступают другие. Она это сделала, потому что не могла так больше жить.

Её супруг, популярный поэт-символист и светский красавец Пейо Яворов, был в той же квартире и вбежал в комнату, но остановить её не успел.

– Лора! Умоляю! Не делай этого!

Он бросился к жене, но выстрел уже прогремел. В отчаянье поэт обнял тело жены, а потом попытался застрелиться из того же револьвера. Он стрелял себе в грудь, но остался жив и попал в больницу, потеряв зрение.

Утром следователи мрачно взирали на тело Лоры, дочери известного политика Петко Каравелова и племянницы не менее известного писателя Любена Каравелова. Расследование предстояло громкое, и никто поначалу не решался проводить аутопсию. Было непонятно, что произошло, все знали об их ссорах. Появилась версия, что Яворов мог застрелить жену, а потом раскаяться и совершить попытку самоубийства. Было заведено дело № 205.

В больнице Пейо Яворов, пришедший в себя и безутешный, записывал в тетрадь сонеты, посвященные Лоре, но писал уже вслепую, ничего не видя.

* * *

Простая биография болгарского поэта-символиста: школьник из Пловдива, телеграфист, социалист, библиотекарь, член Болгарской Рабочей Социал-Демократической партии. В 1897 году он вступил в контакт с подпольной революционной организацией. Ещё во время политической деятельности Яворов при поддержке поэта Пенчо Славейкова и критика Крестю Крестева стал редактором литературного журнала «Мысль». Первое произведение Яворова «Калиопа» произвело впечатление на его товарищей. В 1901 году он издал сборник стихотворений, одобренный известным поэтом Славейковым, написавшим к нему предисловие.

При этом в 1903 году Пейо много раз курсировал через границу при подготовке Илинденско-Преображенского восстания и был близким другом и соратником Гоце Делчева, основателя тайной организации БМОРК (Внутренняя Македоно-Одринская революционная организация). После смерти Делчева в 1903 году Яворов очень переживал и отказался от революционной деятельности, а в 1904 году написал его биографию.

Революция и лирика, политика и прекрасные дамы. Пейо Яворов пришел из романтических дуэльных реалий XIX века, чтобы стать в XX веке поэтом-символистом и героем уголовной хроники.

С любовью Яворову не везло. В 1906 году он был очарован Миной Тодоровой, сестрой писателя Петко Тодорова, но через четыре года 19-летняя Мина заболела туберкулезом. Лечение в Париже не помогло, и она умерла на руках Яворова в 1910 году. Безутешный поэт похоронил её на кладбище Пер-Лашез и каждый день ходил на могилу.

От тягостной депрессии его спасала работа в Национальном театре. Он написал роман «За тенью облаков» и сочинил две пьесы – «В полете над Витошью» и «Когда ударит гром, затихнет эхо» (1910-го и 1912-го годов). В 1911 году поэт встретил Лору Каравелову. Он знал её с 1906 года, но не близко. Теперь между ними вспыхнула страсть.

Лора как раз разводилась с мужем. Она была не юной, восторженной барышней, а женщиной с прошлым. В юности училась в католических интернатах Парижа и Антверпена, знала языки. В 1907 году под давлением матери-общественницы вышла замуж за члена Демократической партии Ивана Дренкова. Их первый ребенок вскоре умер, спустя год Лора родила второго сына. Но любви и понимания между супругами не было, и они расторгли брак в июне 1912 года.

Через три месяца, 19 сентября 1912 года, Лора вышла за Яворова. Вскоре он отправился на фронт – в это время шла Вторая Балканская война. С фронта поэт писал Лоре страстные письма, в которых было много стихов. Что могло привести к трагедии всего через год семейной жизни?

Очевидно, одной из причин было воспитание Лоры: ей передался прямой характер отца, а католические интернаты привили пуританскую чистоту отношений. К тому же, неудачно побывав замужем, она боялась потерять второго супруга и хотела привязать его к себе, обладать безраздельно. Поэтому Лора изводила его подозрительностью и болезненной ревностью, устраивала сцены по поводу и без повода.

Конечно, не обошлось без роковой злодейки – Доры Коновой. Она тоже входила в писательскую среду, была замужем за писателем Михаилом Кременем, поэтому часто видела Лору и Яворова на вечерах. Хорошенькая, но грустная Лора злила её своим обиженным видом. Эти подозрительные и осуждающие темные глаза, слегка надутая губка, взгляды, которые она бросала на мужа, когда он заговаривал с другими, – всё это возбудило игривую и агрессивную Дору. Ей захотелось позлить надутую молчунью, разжечь её ревность. Но не только это. У Доры была своя причина. Она знала Яворова с 1905 года, когда он работал библиотекарем, а она посещала книжное собрание и встречалась с двумя поэтами – Яворовым и Бояном Пеневым – не зная, кому отдать предпочтение. Возможно, ей льстило, что у нее два ухажёра. Пенев ревновал и просил её руки у родителей. Но, женившись, вскоре бросил, развелся и сделал предложение выдающейся болгарской поэтессе Елизавете Багряна.

Дора поняла, что просчиталась, выйдя за Пенева. Жизнь у неё сложилась несчастливо, и она всё время вспоминала Яворова, его голос и его стихи. Теперь первое чувство вспыхнуло вновь, хоть она и не хотела признаваться в этом даже самой себе. Дора демонстративно заигрывала с Яворовым, выказывала ему свой интерес, а Лоре – свое женское превосходство и свободу поведения. Этого оказалось достаточно.

В ночь на 30 ноября Лора в экстатическом состоянии выстрелила себе в голову, погубив и себя, и своего талантливую, но несчастливую мужа.

Под давлением прессы и влиятельных родственников Лоры было открыто дело об убийстве. Судебный процесс длился около года и счёл Яворова виновным в смерти жены. Это и породило на многие годы загадку: сама Лора свела счеты с жизнью или ей помогли. Через 70 лет режиссер Киран Коларов снял фильм «Дело 205/1913» в духе полукриминальной мелодрамы.

* * *

В четверг, 29 октября 1914 года, не выдержав обрушившихся на него испытаний, Пейо Яворов принял яд и застрелился.

В тот же день Турция вступила в войну на стороне Германии. Германско-турецкий флот атаковал русские суда в Черном море и начал бомбардировку Одессы, Феодосии, Севастополя, Новороссийска. И всё это было где-то по ту сторону от частной трагедии болгарского поэта.

Российские тайны

Россия начала XX века жила своими страстями, но большинство преступлений и таинственных драм того периода носили политический характер. Даже частные случаи вызвали общественный резонанс и становились поводом для сенсационных слухов и публичных дискуссий, а кражи и ограбления могли обрести эвфемистичное название «экспроприация».

«Большое ограбление поезда»

26 сентября 1908 года польско-литовский городок Безданы, известный до этого лишь старинным костелом и грибными местами, вошел в историю. Почтовый состав, направлявшийся в Санкт-Петербург, внезапно подвергся нападению группы неизвестных.

Вагоны покачивало на перегоне, в окно влетал легкий ветерок. Один из пассажиров, чернобородый красавец, севший на поезд еще в Варшаве, всю дорогу читал книгу. Рядом с Безданами он отложил чтение, достал из-под лавки что-то завернутое в вощеную бумагу и тихо вышел из купе. Пройдя пару вагонов, бородач встретил двоих пассажиров, которым передал сверток.

Дальнейшее напоминало модный вестерн. Поезд миновал семафор перед Безданами и начал торможение. На платформе уже стояла группа людей, не похожая на обычных пассажиров. Это был боевой отряд Томаша Арцишевского. Ян Балага и Эдвард Гибальский вскочили на подножку. Арцишевский и Влодек Моментович были уже в вагоне. Балага попытался разбить стекло. Жандарм эскорта сопровождения Борисов выскочил из вагона и бросился к налетчикам, целясь в Гибальского.

– Франек, uwaga! (Франек, берегись!) – это Моментович крикнул с подножки.

Гибальский отскочил, Борисов промахнулся и сам был ранен в ногу. Ян Балага, улыбаясь, медленно опускал бомбу через разбитое окно. Через пару секунд прозвучал взрыв. Стоявшего рядом с поездом Гибальского шарахнуло волной о забор. В поезде начался беспорядок. Через несколько секунд Гибальский через то же отверстие в стекле закинул вторую бомбу. На этот раз вылетели все окна в машинном отделении, и погас свет. Одна группа пыталась нейтрализовать эскорт, вторая направилась к зданию железнодорожной станции выводить из строя телеграф. Третьей предстояло проникновение в почтовый вагон.

Вахтенные, дрожа от ужаса, закрылись за бронированной дверью вагона, в котором перевозились деньги.

Бандитский налет на поезд получил авантюрное название «Акция четырех премьеров»

Мрачного вида тип, очевидно главарь банды, которого подельники называли Мстиславом, забарабанил в дверь и крикнул по-русски с сильным акцентом:

– Открывайте! Если нет – бомбу бросим!

На самом деле бомбы у него не было, но этот блеф удался, и дверь открылась. Уже через минуту налетчики упаковывали пачки купюр в мешки.

В это же время коренастый круглолицый мужчина колотил в дверь телеграфного отделения прикладом винтовки (именно она и была в том свертке, переданном бородачом в тамбуре).

Усатый щеголь – ни дать ни взять завсегдатай варшавских салонов или какой-нибудь брачный аферист – с кошачьей ловкостью закинул на крышу вокзала две гранаты, которыми были ранены несколько солдат и почтовый служащий. С таким же проворством, с каким бросал гранаты, щеголь проник в здание и вывел из строя телеграф: явно разобрался в механике.

Ошеломленные внезапным налетом служащие пребывали в полном шоке и не смогли вызвать жандармерию, даже когда вся эта пестрая компания удалилась.

Деньги были мгновенно упакованы в мешки, после чего террористы направились в сторону реки Нерис, где их ждали лодки. Доплыв до городка Янов, участники ограбления разошлись в разных направлениях, что лишило полицейских возможности обнаружить группу по свежим следам. При этом сами налетчики обошлись без потерь и благополучно «обнесли» Российскую империю на сумму 200 812 рублей 61 копейка.

Похищенных денег никто больше не видел. Они пошли на содержание польской военной организации *Związek Walki Czynnej* («Союз вооруженной борьбы»), а также – на поддержку арестованных товарищей и их семей.

Акцию под Безданами называли одной из самых дерзких и зрелищных экспроприаций XX века, но историческим «большое ограбление поезда» стало значительно позднее: в основном из-за состава его участников, имена которых в то далекое время еще мало что говорили польскому обывателю. Десятки лет спустя эти имена знала уже вся Европа.

Главарем по кличке «Мстислав» был будущий польский лидер и диктатор Юзеф Пилсудский. Бородач, передавший подельникам оружие и похожий на разбойника из сказки, был экономистом Валерием Славек. Коренастого и круглолицего с винтовкой звали Александр Пристор. А усатый щеголь Людвик, смахивающий на брачного афериста, был 30-летним механиком и бомбистом Томашем Арцишевским.

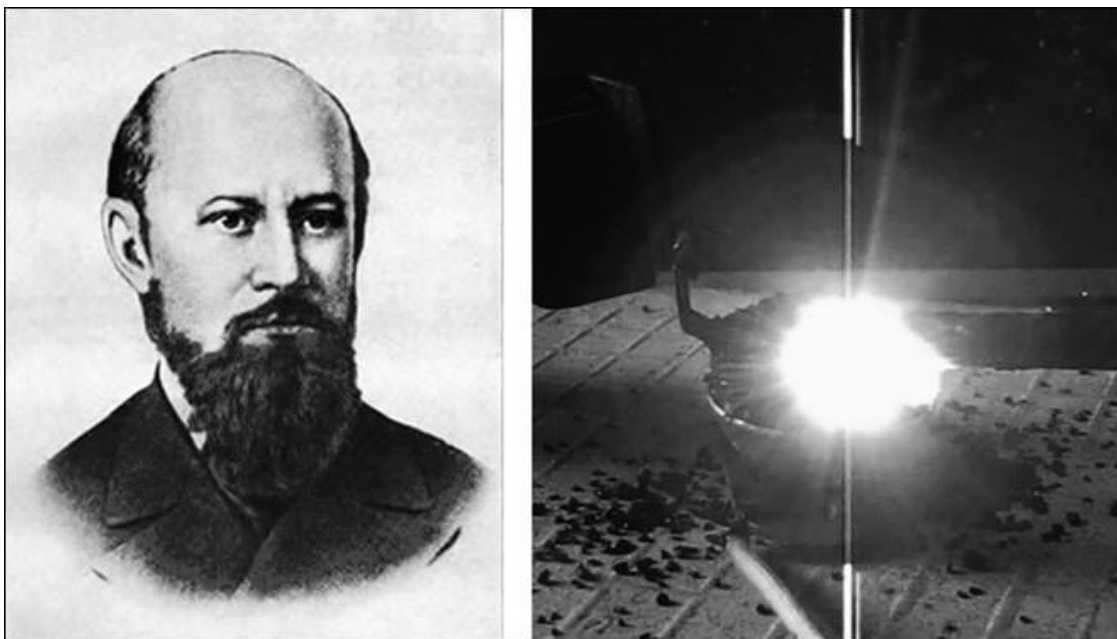
Впоследствии бандитский налет на поезд получил авантюрное название «Акция четырех премьеров»: в число нападавших вошли сразу четыре будущих премьер-министра Польши – Пилсудский, Славек, Пристор и Арцишевский. Их судьбы сложились по-разному, но в этой истории сошлось много разных мотивов – исторических и культурных.

Ограбление поезда отсылает нас и к американской традиции лихих вестернов, в которых победителей не судят. А победителем оказывается тот, кто сумел взять куш и вовремя смыться. Но это американский вестерн – в нем ограбление носит личный характер: кто смел, тот и съел. А ограбление поезда в Безданах носило разноречивый и чисто европейский характер: националистический – т. е. польский и антироссийский, и социалистический – т. е. антиимпериалистический. Это был эпизод, отражающий эпоху.

Традиция экспроприации буржуазных денег в начале XX века создала особую мораль, когда идейные цели не считались со средствами, поскольку во главе всего была революционная целесообразность.

«Луч смерти» инженера Филиппова

Всем людям нашей страны довелось в детстве читать фантастический роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» – о лазере, разрезающем и взрывающем на большом расстоянии любой объект. Кто не читал роман, тот уж наверняка видел одну из двух экранизаций – 1965 и 1973 годов. Однако мало кто знает, что такой лазер действительно был изобретен.

М.М. Филиппов писал о способе электрической передачи на расстояние волны взрыва

Ночью 12 июня 1903 года русского ученого и журналиста Михаила Филиппова обнаружили мертвым в его лаборатории. Казалось, он упал как внезапно подкошенный. На лице имелись ушибы, свидетельствующие о «падении с высоты своего роста», как пишут в полицейских отчетах. Но причину смерти не мог назвать никто. Эксперт Полянский записал в полном недоумении, что смерть произошла по неизвестной причине. Полицейский врач Решетников утверждал, что это паралич сердца в результате органического сердечного порока. В других источниках говорилось об апоплексическом ударе, кровоизлиянии в мозг, случайном отравлении, самоубийстве или убийстве. Вскрытие привело к официальному заключению, что это «неосторожное обращение с синильной кислотой», но и в это никто не поверил.

Тем временем дело Филиппова обрело характер секретности на уровне государственной тайны. Говорили о его симпатии к революционерам и чтении Маркса. В общем, вокруг фигуры инженера создавали некую завесу антигосударственной таинственности, в то время как речь шла о другой революции – в мире науки. О реальном научном изобретении, у которого нет политической подоплеки.

Инженер погиб в 45 лет. К тому моменту он был известным человеком: писал статьи о Циолковском, перевел на французский Менделеева, сочинил роман «Осажденный Севастополь». Роман высоко оценили Лев Толстой и Максим Горький. Дмитрий Менделеев был от Филиппова в восторге и называл отличным физиком. Всего у Филиппова оказалось 300 научных и публицистических трудов. Его очередная работа была посвящена «лучам смерти». Она-то и стала последней.

Думается, Филиппова погубила его невероятная, детски наивная открытость: сделав открытие, он стремился поделиться этим со всеми. Накануне смерти инженер прислал в газету «Санкт-Петербургские ведомости» письмо, в котором сообщал, что его с юности «преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными»: «Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну. Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь /.../ Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайною опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как треххлористый азот, частью крайне ядовитых».

Принцип действия взрыва, судя по немногим сохранившимся фрагментам, заключался в превращении энергии заряда в волновой пучок небольшой амплитуды и расхождении этого пучка по электромагнитной волне. Филиппов утверждал: «Войны прекратятся, когда все увидят, что последствия могут быть самые ужасные. Демонстрация моего изобретения докажет это /.../ Всё очень просто, притом дешево. Удивительно, как до сих пор не додумались!»

Последняя запись, найденная рядом с его телом, гласила: «Опыты над передачей взрыва на расстояние. Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как при опыте со взрывом окиси углерода. Опыт 13-й: взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элементы Лекланше и Румкорфову спираль. Опыт повторить здесь в большом помещении по отъезде семьи...»

Впоследствии не раз высказывались предположения, что Филиппов всё-таки придумал идею мощного лазера, позволяющего прожигать все что угодно на значительных расстояниях. Это сближало его труды с экспериментами великого сербского ученого Николы Теслы.

В любом случае ясно было одно: Филиппов создал нечто невероятное и его поспешили устранить: рукопись статьи «Революция посредством науки, или Конец войнам», сообщавшая об открытии инженера, бесследно пропала, а его лаборатория подверглась обыску. Опечатав лабораторию, полиция конфисковала бумаги и приборы. Многие утверждали, что убийство было организовано охранкой, а рукописи переданы лично Николаю II.

В дни Февральской революции 1917 года в здании Петербургского охранного отделения произошел пожар, уничтоживший весь архив. Считается, что и рукопись Филиппова сгорела в том пожаре. Но и сам пожар тоже не был случайностью: в те дни многие рецидивисты были заинтересованы в уничтожении картотеки российского сыска, а те из них, кто вовремя записался в революционеры, желали иметь чистую биографию.

Некоторый свет на опыты Филиппова проливают мемуары ученика инженера – эмигранта В.В. Большакова, хранящиеся в библиотеке Конгресса США. Большаков писал правду, но писал не как физик, а как филолог: «Здесь, в городе Лафайет, в 1929 году с грустью оглядываюсь на петербургское прошлое. Будучи с господином Филипповым неразлучным, по мере сил содействующим ему, видя старания его, сомнения, понимаю, что его так злоумышленно оборванная жизнь – следствие наивной неосторожности, ребяческого простодушия, парадоксально уживающихся с чуть ли не божественной мудростью /.../ Касательно подрывного аппарата, тут – другое, не могущее не пугать. Тоже не обошлось без лучей, пронизывающих пространство. Лучей разрушающих! Сам Михаил Михайлович не единожды делался их жертвой. Получал ожоговые волдыри, фартук прорезиненный на нем охватывался пламенем. Но того, он считал, стоило».

Большаков даже назвал имя убийцы Филиппова: «Мне доподлинно известно, что грех этот на себя взял Яков Грилюк, студент-естественник Петербургского университета, моло-

дой человек шизофренической натуры, выдающийся себя пацифистом (уж не его ли охранка выбрала исполнителем и использовала втемную?). Арестованный, подвергнутый суду и медицинскому освидетельствованию, он погиб от открытой формы туберкулеза в тюремном лазарете. Кровавый шаг, по слухам, подогревали злодеи из официальных кругов, не согласные с независимыми взглядами изобретателя, желающие присвоить его талантливые решения».

Чужими изобретениями часто пользуются другие люди – алчные до денег и славы. Импульсивный и жалкий инженер Гарин из романа Алексея Толстого не был автором ужасного и гениального гипербоида: он присвоил труд своего учителя Манцева, экспедиция которого пропала в тайге, и рассчитывал выгодно продать чужое изобретение. Кто присвоил себе тайну Филиппова, покажет лишь время.

Дело Бейлиса

Что общего у бедного еврея-подрядчика с киевского кирпичного завода и популярного журналиста-естествоиспытателя из Петербурга? Казалось бы, ничего, однако, как и в случае с инженером Филипповым, дело Бейлиса из частного превратилось в общественное и политическое. Очевидно, таков уж русский менталитет – во всем частном присутствует политическая подоплека. Да и времена эти – между двумя русскими революциями – были политизированные и наэлектризованные.

Банальное уголовное преступление, случившееся в 1911 году и направленное на сокрытие улик, усилиями большой группы людей превратилось в кампанию травли и ксенофобии. И за всем этим политическим спектаклем, затронувшим интересы даже Государственной Думы, забывался главный вопрос: кому это преступление выгодно?

Эпицентром дела Бейлиса, вызвавшего большой общественный резонанс, оказался окраинный район Киева – мещанская и воровская Лукьяновка.

Дело об убийстве Ющинского выглядело простым, но вызвало много вопросов криминалистического характера.

12 марта 1911 года навещавший приятеля семинарист Ющинский не вернулся домой. После усиленных поисков его тело было найдено в пещере городского парка с признаками насильственной смерти. Обстоятельства убийства казались странными – жертва была обескровлена в результате 47 уколов шилом. Это и как будто намекало на ритуальное убийство. Но именно – намекало, а не свидетельствовало. Однако прокурор Киевской Судебной Палаты Чаплинский сразу начал настаивать на этой националистической версии.

Для Европы рубежа XIX и XX веков были характерны национализм и ксенофобия. Уголовные дела с расовой подоплекой возникали одно за другим – то в Венгрии («Дело Шоймоши» 1882–1883 годов), то во Франции («Дело Дрейфуса» 1894–1904 годов) и, наконец – в Киеве. Причин такого обострения национализма было несколько: стремление к самоопределению, государственный и экономический кризис, поиски внутренних врагов. Нездоровые, непримиримые настроения охватывали не только темную, невежественную толпу, но и вполне образованных, интеллигентных людей, вроде профессора Киевского университета, психиатра И.А. Сикорского, оказавшегося на стороне шовинистов.

Мендель Бейлис под стражей и сообщение об убийстве Андрея Ющинского

Писатель Владимир Короленко сказал об этом: «Профессор Сикорский вместо психиатрической экспертизы стал читать по тетради собрание изуверных рассказов, ничего общего с наукой не имеющих». Противоположную позицию занимал московский психиатр, профессор Владимир Сербский, разоблачивший все расовые инсинуации киевских националистов.

При этом киевскому уголовному розыску, его простым сыщикам, работавшим «на земле», было известно, кто может быть повинен в смерти мальчика, потому что убийцы находились прямо под носом.

Андрей Ющинский был одинок и бесприютен: мать родила его вне брака – от священника, отказавшегося признавать отцовство, поэтому она энергично искала себе другого мужа. Сын оказался не нужен, и она не особо им занималась, а он учился в одном классе с Женей Чеберяковым и постоянно пропадал у него дома. Именно к нему Ющинский заходил перед смертью, чтобы отсыпать немного пороха для пугача. Мать Жени, Вера Чеберякова по кличке Верка Чеберячка, содержала бандитский притон, ее сводный брат Сингаевский был профессиональным вором, а рецидивисты из её шайки занимались грабежами и сбывали краденое.

О том, что в действительности произошло, свидетельствовала история с прутиками, описанная Короленко:

«Андрюша и Женя вырезали по прутику. Прутик Андрюши оказался лучше, и Женя заявил на него претензию. Андрюша не отдал. Женя погрозил.

– Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда.

И у Андрюши сорвались роковые слова:

– А я скажу, что у вас в квартире притон воров...

Сказал и, очевидно, забыл, и опять прибежал вместо школы на Лукьяновку...

Но злопамятный Женя не забыл и передал матери, конечно, не думая о страшных последствиях этого для товарища. Может быть, во всем ужасном объеме не думала и Чеберякова... Но в это время в “работе” компании часто стали случаться неудачи: Чеберякову раз, другой, третий арестовали, делали обыски, нашли краденые вещи, таскали по участкам... А законы этой среды в таких случаях ужасны...»

Андрей был свидетелем темных дел Чеберяковой, он многое видел и слышал, поэтому его и убили. Соседка слышала крики, детский плач и какую-то возню в квартире Чеберяковых.

Потом странная и трагическая участь постигла и Женю Чеберякова с его сестрой Валей: будучи важными свидетелями, они вдруг скорострительно умерли в больнице от дизентерии. Поговаривали, что «Верка Чеберячка» ради сокрытия правды отравила собственных детей. Она приходила в больницу, уговаривала их дать показания в её пользу, а потом забрала умирающих детей домой, несмотря на протест врачей.

Короленко писал в очерке «На Лукьяновке»:

«Перед смертью сына г-жа Чеберяк наклонялась над ним, целовала его и умоляла:

– Скажи, что твоя мама тут ни при чем.

Но мальчик отвернулся к стене и сказал только:

– Ах, мама, оставь...»

* * *

Вера Чеберякова во всех газетных публикациях, да и на сохранившихся фотографиях предстает угрюмой мещанкой с тяжелым взглядом. Она дорого и помпезно одета, выглядит состоятельной женщиной, однако нет в ее жизни счастья. Даже собственных детей она потеряла, а возможно, и убила, чтобы скрыть правду и остаться при деньгах и своем нелегальном бизнесе.

Вера Чеберякова очень похожа внешне на серийную убийцу Белль Ганнес, тоже не пожалевшую собственных детей. Но это не удивительно для той эпохи: в мире и в России появились новые женщины, порожденные феминизмом 1890-х годов и характерной для рубежа веков романтической идеей саморазрушения и декаданса. Лиля Брик, например, своего ребенка отдала в приют: ей не нужны были дети, а материнство она считала пошлостью. Лиля Брик была жрицей любви, и её интересовали только известные и талантливые любовники, которые давали ей популярность и власть над людьми.

Будущая подруга Достоевского Аполлинария Сулова в юности посещала исторические курсы, а в ответ на не совсем толерантную реплику профессора: «Вы так хороши, зачем вам ещё история?» заехала ему, своему учителю, по физиономии.

Героиня эпопеи Алексея Толстого «Хождение по мукам» Даша Булавина, будучи профессорской дочкой и девственницей, в 1910-е годы попала в богемную среду московской интеллигенции и умело играла роль «женщины с прошлым», вызывая восторг окружающих. То же самое делала и героиня романа Бориса Акунина «Любовница смерти», действие которого происходит в 1902 году.

Огромное эстетическое влияние оказывало и немое кино: русские гимназистки 1905–1911 годов специально пили два раза в день по ложке уксуса, чтобы казаться бледными, отрешенными от жизни и похожими на «ангелов смерти».

В капитализирующейся России образ алчной волчицы, не знающей чувств и пренебрегающей даже состраданием к детям и кровным родством, появился уже на рубеже XX века. Достаточно вспомнить хищницу и детоубийцу Аксинью из чеховской повести «В овраге». Это произведение особенно нравилось Горькому: он увидел в безжалостной Аксинье знак нового времени, эпохи капитализма.

Еще один характерный момент – европейская индульгенция или русское ханжество: совершив убийство ребенка и разорив всю семью мужа, героиня повести Чехова еженедельно на дорогой карете подъезжала к церкви и вносила в казну пожертвования на бедных. Церковь принимала и, очевидно, считала её «невинной» женщиной.

* * *

Но кому могло прийти в голову выдать убийство мальчика уголовниками за ритуальное жертвоприношение? Просто под руку очень кстати подвернулся тихий и незаметный служащий местного кирпичного завода Мендель Бейлис. Мальчишки часто играли там, на заднем дворе завода, а приказчики не раз гоняли их оттуда. Кто гонял, никто не видел. Проще простого пустить слух, что это Бейлис гонял их с заводского двора, а однажды вдруг схватил Андрюшу Ющинского и потащил куда-то. Никто этого не видел, и в свидетели были приглашены двое местных пьяниц – муж и жена, готовые за бутылку показать на кого угодно.

Так Бейлис был арестован по обвинению в убийстве ради совершения религиозного обряда. Член «Союза русского народа» Николай Павлович распространял у здания суда прокламации, в которых говорилось: «Мальчик замучен жидами, поэтому бейте жидов, изгоняйте их, не прощайте пролития православной крови!» Да и «Союз русского народа» вел себя во время следствия подобно прокурорскому надзору. Дело оказалось сфабриковано, да так, что в зале суда и за его пределами начались настоящие баталии. Оказывалось давление на следствие, менялись следователи, в газетах развернулась травля. Полицию обвинили в том, что она подкуплена евреями. Правые в Думе внесли запрос на расследование работы полиции. Спустя сто лет адвокат Генри Резник говорил, что «в условиях политического кризиса 1911 года российским правым нужно было громкое событие для укрепления их позиций, и именно поэтому заурядное уголовное убийство начало превращаться в ритуальное дело».

Общество, в котором культивируется «охота на ведьм», довольно легко убедить в нужной версии, если представить доказательства, пусть даже самые абсурдные. Можно ли серьезно относиться к показаниям архимандрита Амвросия, который, по его словам: «лично учения о ритуальных убийствах не изучал, но беседовал неоднократно с православными монашествующими, перешедшими из иудейства, и убедился, что у евреев, в частности у хасидов, есть обычай добывать убиением непорочных отроков кровь, употребляемую для мацы». Услышав это, Бейлис разрыдался прямо в зале суда. У него была хорошая репутация в городе. Несмотря на бедность, он обеспечивал большую семью и много работал. У него были прекрасные отношения с православными священниками. Даже среди русских националистов Менахем Бейлис слыл фигурой неприкосновенной, и его не затрагивали еврейские погромы. То, что произошло в связи с убийством Ющинского, стало для приказчика кирпичного завода полной неожиданностью.

В деле Бейлиса примечательным оказалось не само преступление, а реакция на него общества. В те годы в Думе шло обсуждение отмены черты оседлости и введения для евреев избирательных прав, поэтому обстановка была накалена до предела, и противники демократических мер воспользовались убийством семинариста.

В дело включились именитые люди России – не только юристы, но и писатели, ученые, политики. Активнейшую роль в обвинении Бейлиса играли крайне правый политик, министр юстиции Иван Щегловитов; психиатр Иван Сикорский; его сын Игорь, будущий авиаконструктор; товарищ Игоря, скандальный журналист Владимир Голубев, возглавлявший молодежную националистическую организацию «Двуглавый орел». Не имевший к юстиции никакого отношения, юный экстремист Голубев влиял на правосудие с такой эффективностью, будто был по меньшей мере прокурором. Бывший директор департамента

полиции говорил, что с Голубевым «приходилось считаться всему составу киевской администрации; с ним считался и генерал-губернатор». Голубеву и его соратникам оказалось под силу производить отводы следователей, компрометировать полицию и мешать ее работе. Каждая попытка расследования заканчивалась скандалом. Следователи, сторонники уголовной версии, сразу же отстранялись.

По другую сторону баррикад оказался Владимир Короленко. Его очерк «На Лукьяновке» посвящен обстоятельствам этой истории:

«...Дети решительно за Бейлиса... Есть, впрочем, смутные показания, – и то запоздалые и заgrabные, – о Бейлисе и о том, что он гнался за Ющинским. Это сказал Женя Чеберяк, и это показание суду доставил г. Голубев, известный деятель “Двуглавого орла”. То же говорила на суде Люда Чеберяк под взглядами матери. Она сама не видала. Ей говорила покойная сестра Валя...»

Однако доказательной базы оказалось недостаточно. В 1913 году дело закрыли, а Бейлиса оправдали. Вера Чеберякова так и не понесла наказания за это преступление: не завели дела и не дали собрать доказательства. Она была арестована по совсем другому делу – за скупку краденого (та самая, слышавшая крики и возню соседка донесла на неё по совету полиции). Но даже ордер на этот арест следователю пришлось выдавать тайно от прокурора Чаплинского, считавшего, что эту «святую и невинную женщину напрасно мучают». Кроме Чаплинского в невинность Верки Чеберячки не верил никто. Но она считалась фигурой неприкосновенной, поскольку участвовала в деятельности «Союза русского народа» и даже вносила туда патриотические пожертвования: совершенно как Аксинья – убийца ребенка из повести Чехова. Очень предусмотрительно.

Судьбы участников этой грязной истории сложились по-разному. Министр Щегловитов и прокурор Чаплинский были расстреляны в годы красного террора, причем одной из формулировок было расовое давление на следствие в деле Бейлиса.

Деятель «Двуглавого орла» Голубев погиб на фронте в 1914 году.

Менахем Бейлис вскоре после освобождения эмигрировал в Палестину, а потом в США, где написал книгу о своих злоключениях.

В предисловии к поэме «Возмездие» Александр Блок подводил итоги 1911 года: «... В одной из московских газет появилась пророческая статья: “Близость большой войны”. В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. /.../ Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции».

Всё смешалось в 1911 году – смерть простого мальчика Ющинского и государственного человека Столыпина. Но катастрофичность мира, замеченная великим поэтом, проявлялась в виде отдельных сигналов, порой не столь заметных и как будто не имевших отношения к общественной жизни, но так или иначе проникавших в общество.

Мало кто помнит, но несколькими годами ранее громкого дела Бейлиса в семье самого Александра Александровича Блока произошло несчастье, также ставшее отражением эпохи.

Опасная должность

21 июля 1906 года 48-летний губернатор Самары Иван Львович Блок засиделся на работе. Была суббота, он собирался уйти еще днем, но выехал только в половине седьмого вечера: много дел на работе.

Около семи его экипаж заворачивал с Вознесенской улицы на Воскресенскую. Это был удобный момент, и террорист Григорий Фролов подошел почти вплотную. Он бросил бомбу в губернатора и убил его на месте. Перед прибывшими на место покушения полицейскими предстало ужасное зрелище: губернатор был разорван на куски. Некоторые части тела погибшего собрать не удалось, а голова вообще разлетелась на осколки, и в гроб пришлось положить ватный шар.

И.Л. Блок

По случайному стечению обстоятельств именно 21 июля 1906 года, в тот роковой день, когда террорист Фролов убил самарского губернатора, другой уже обреченный историей

человек, Петр Аркадьевич Столыпин был назначен председателем Российского правительства. Возможно, именно из-за этого Иван Львович Блок в тот день задержался на работе дольше обычного: хотел поработать над отчетом, который потребуется новому главе правительства. Смерть одного чиновника Российской империи как будто предвещала дальнейшую судьбу второго. Столыпину оставалось жить совсем недолго.

Эсера Фролова скоро арестовали, но ему повезло: в отличие от убитого им губернатора он остался жив. Это тем более обидно, что позднее Фролов произнес совершенно удивительные слова: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал. Да это в то время было неважно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором».

Таким было лицо русского терроризма: убийца часто даже не был знаком с жертвой, ничего о ней не знал, он просто получал задание от своей группы. А Ивана Блока убили лишь потому, что он был губернатором.

Траурная процессия с останками Ивана Блока двигалась от его дома до Кафедрального собора. Там прошло отпевание. Дальше тело понесли к вокзалу и погрузили в вагон: губернатору предстоял последний путь – в Уфу, на Сергиевское кладбище.

Гибель человека – это трагедия и для всей его семьи. У Ивана Львовича была большая дружная семья – жена Мария Митрофановна и шестеро малолетних детей. Старшему сыну едва исполнилось 13. Через два года 15-летний Ваня, так и не преодолевший депрессию после гибели отца, застрелился в школе. Младший сын, Лёва, потеряв и отца и брата, начал заикаться, не смог учиться в гимназии и сторонился людей. Спасали его только лошади – умные и молчаливые животные. Он стал коневодом и извозчиком, а позднее женился на художнице Тамаре Федоровне Рааль. Тому, что извозчик женился на художнице, удивляться не стоило: в то время лошади были основным промыслом помещиков и чиновников центральной России. Например, старшая сестра Льва, Ариадна Ивановна Блок, вышла замуж за известного в Уфе конезаводчика Николая Ляхова.

От Ивана Львовича Блока остались только память и семейные фотографии. Весьма символично, что после 1945 года могила Самарского губернатора была ликвидирована, а на том самом углу, где он погиб – только уже не на Вознесенской и Воскресенской улицах, а на улицах Степана Разина и Пионерской, – расположены здания ФСБ и клуба имени Дзержинского.

Судьба Саввы Морозова

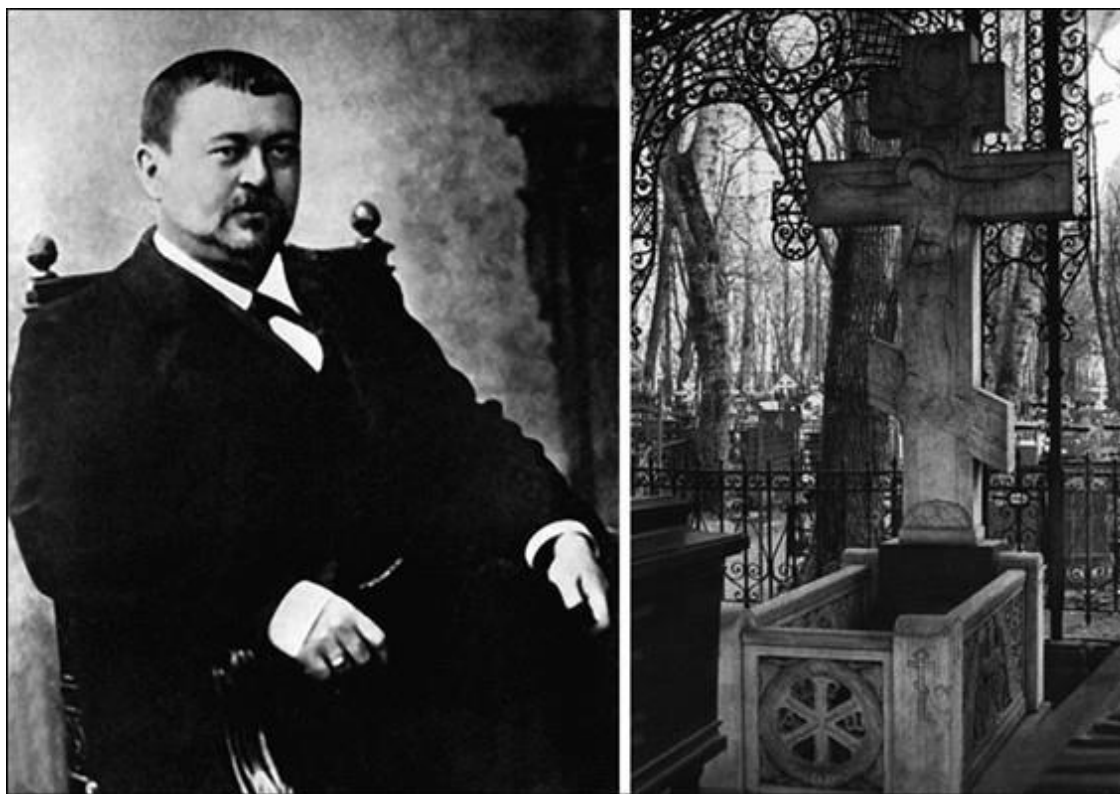
13 мая 1905 года в номере отеля «Руаяль» французского города Канны было обнаружено тело известного русского фабриканта и общественного деятеля Саввы Тимофеевича Морозова. Он погиб от огнестрельного ранения в грудь, браунинг полицейские обнаружили рядом с телом. Пальцы его левой руки были опалены выстрелом, а возле кровати лежала записка: «В смерти моей прошу никого не винить».

Казалось бы, все признаки самоубийства были налицо, однако гибель 43-летнего богатого и деятельного человека представлялась загадкой, и многие не поверили в официальную версию следствия.

* * *

Отчего не жилось на Руси богатому человеку? Казалось бы, заведи себе жену красивую, спи себе да ешь, иногда (ради куража) – в оперу, на бал в казино съезди, либо на лошадиные бега: лошади Саввы Морозова всегда брали призы на соревнованиях. Но к XX веку испортился русский богач: всё ему приключения и эксперименты подавай, взрывы да восстания. Не может он без бурной деятельности, без причастности к истории и всему происходящему.

Но участие фабрикантов в революции вовсе не было романтическим порывом. Главной причиной стало недовольство царской властью. Император Александр II был славянофилом и способствовал развитию внутреннего рынка, он мешал продвижению иностранных предпринимателей, и русским промышленникам при нем жилось вольготнее, они богатели. Но к началу XX века в Россию были допущены зарубежные фирмы и предприятия, и недовольные русские купцы в поисках выхода из положения невольно сблизились с социал-демократами. Окончательное падение авторитета царской власти в годы Русско-японской войны привело к радикальным формам борьбы. Промышленники полагали, что лишь на гребне радикального движения можно совершить буржуазную революцию и обрести власть в стране для собственных реформ. Им ведь не могло прийти в голову, что может произойти социалистическая революция: в мире еще не было подобных прецедентов. Потому они и поддерживали боевые группы покупкой оружия, созданием взрывчатки в химических лабораториях, организацией складов. Помещение и средства у них имелись. Не последнюю роль играло и то, что большинство фабрикантов были старообрядцами и стремились узаконить свою религию, наряду с государственной.

Савва Морозов и его могила на Рогожском кладбище в Москве

Савва Морозов был потомком крепостного крестьянина – Саввы первого, создавшего в XVIII веке производство тканей в Зуеве и выкупившего семью. Он быстро разбогател. После него Морозовы превратились в огромный род. Но у Тимофея Морозова как-то не задались потомки: двое умерли в младенчестве, сын Сергей интереса к делу не проявлял, старшая дочь Алефтина выбросилась с балкона. Один лишь Савва радовал его успехами. Он учился на физико-математическом факультете Московского университета, получил диплом химика, стажировался у Менделеева. Савву интересовали текстильное и красильное дело, он даже отправился на учёбу в Кембридж, но вынужден был прервать занятия и вернуться из-за болезни отца. В 26 лет он стал техническим директором Никольской мануфактуры и управляющим всем производством. Состояние семьи исчислялось 30 миллионами рублей.

Савва Тимофеевич прославился как лучший хозяин, снискал прозвище «Купеческий воевода» и лично приветствовал государя на своей мануфактуре. В быту он был весьма скромным, но на фабрике бегал по этажам, сам работал на станках и обучал подростков, для которых создал образовательные курсы и техническую стажировку с оплачиваемой стипендией. Рабочим жилось неплохо: женщинам оплачивали беременность, были продуктовая лавка с 10-процентной скидкой и кредитом, кооперативный магазин. Савва поощрял семейных рабочих и выделял каждой семье 12-метровую комнату.

В 1888 году Савва Морозов увел у собственного племянника жену Зинаиду Григорьевну и обвенчался с ней, что было для старообрядческой семьи позором. Мать Саввы, Мария Федоровна, невестку невзлюбила. Властная Зинаида была свободолюбива и жаждала светского общения, балов, интересных встреч. Влюбленному Савве это поначалу нравилось. В особняке на Спиридоновке, построенном Шехтелем на деньги Морозова, часто бывали литераторы, артисты и монаршие особы. Зинаида стала известной дамой в Москве, и к Морозовым приходили Горький, Шаляпин, Чехов, Мамонтов. Ольга Книппер изумлялась роскоши, а Горькому претила эта вульгарная тяга к коллекционированию: «В спальне у хозяйки устрашающее количество севрского фарфора, фарфором украшена широкая кро-

вать, из фарфора рамы зеркал, фарфоровые вазы и фигурки на туалетном столике и по стенам, на кронштейнах. Это немного напоминало магазин посуды».

Дела Морозова шли в гору, его выбирали во все комитеты предпринимателей. Но в это время он познакомился с известной актрисой Марией Федоровной Андреевой, яркой рыжеволосой красавицей. У них начался роман. Андреева стала одной из причин увлечения Саввы Морозова и театром, и революцией, возможно – самой главной причиной. Она – звезда МХТ, созданного режиссером Станиславским, тоже, кстати, старообрядцем, как и Савва Тимофеевич. И фабрикант вошел в товарищество по учреждению нового театра и сделался финансовым его распорядителем. Именно он руководил строительством здания в Камергерском переулке. То, что Морозов делал для Московского Художественного театра, Станиславский назвал подвигом.

В то же время Андреева была дамой революционной, а в подпольных кругах её прозвали Феномен – за способность одним взглядом выманивать деньги у богатых людей. Некоторые полагали, что её к Морозову подослали большевики. Факт остается фактом – Морозов составил для Андреевой страховой полис на 100 тысяч рублей. Даже когда она переключилась на модного пролетарского писателя Горького и вступила с ним в гражданский брак, расстроенный Морозов продолжал поддерживать её и оплатил лечение, узнав, что у Андреевой перитонит. Несмотря на разрыв, он отдал ей этот страховой полис в 1902 году. И еще одна деталь: близкие говорили, что уход Андреевой к Горькому привел к первой попытке суицида у Морозова. Этому помешало лишь рождение сына, однако осталась предсмертная записка без даты – точно такая же была найдена позднее в номере отеля «Руаяль».

Зимой 1903 года в Сестрорецке Андреева познакомила его с инженером Леонидом Красиным и просила взять на работу. С лета 1904 года Красин перестраивал на фабрике Морозова электростанцию, а тот передавал ему каждый месяц по 2 тысячи в партийную казну. Теперь изготовлением взрывчатки на фабрике Морозова занимался профессиональный инженер и революционер. Финансы фабриканта шли на подпольные большевистские газеты «Искра», «Борьба» и «Новая жизнь». Савва Морозов тайком привозил рабочим запрещенные книги, помогал печатать листовки в подпольной типографии, организовывал стачки и скрывал у себя дома объявленного в розыск революционера Баумана. Однажды к Морозовым пришел в гости генерал-губернатор Сергей Романов и обедал за одним столом с Бауманом, которого спешно выдали за дальнего родственника.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения его семьи, и в первую очередь властной матери-старообрядки, стал пронизанный революционными идеями доклад «О причинах забастовочного движения. Требования введения демократических свобод», в котором говорилось об общественном контроле над предприятиями и различных правах – на свободу слова, печати, профсоюзов, митингов и забастовок.

Доклад был сочинен после январских событий 1905 года. А в феврале 1905 года террорист Каляев убил великого князя Сергея Романова бомбой фабричного изготовления. Тут уже инженер Красин, опасавшийся каторги, попросил о срочной командировке и был отправлен Морозовым в Берлин «за оборудованием». Но сам Савва Тимофеевич вызывал пристальный интерес правительства, и премьер Витте говорил, что он «наконец-то попался».

Мария Федоровна Морозова всё чаще повторяла, что её сын сошел с ума. Она решила отстранить его от дел. Совсем его не отстранили, но теперь все его решения оказались под контролем. Он ощущал бессилие и одиночество. Союзницей Марии Федоровны в изоляции Саввы Тимофеевича оказалась и нелюбимая невестка, которой не нравились безумные траты мужа на революцию и любовницу. Зинаида Григорьевна, не уступавшая свекрови во властности, стала перехватывать письма Морозова. 15 апреля 1905 года они по обоюдному согласию созвали консилиум лучших врачей, чтобы признать Морозова недееспособным.

Доктор Россолимо легко подмахнул сомнительное заключение, в котором нашлись «нервное расстройство», «чрезмерное возбуждение», «беспокойство» с «бессонницей» и «подавленное состояние с приступами тоски». Почему доктор это сделал? А вот на этот вопрос существуют самые разные ответы.

По рекомендации врачей Морозова спешно отправили в Европу лечиться. В Берлин с ним поехали жена и доктор Селивановский. Из Берлина они отправились в Виши, потом в Канны, где и случилась трагедия.

Одной из причин самоубийства Саввы Тимофеевича даже называли его неизлечимую болезнь – прогрессирующий паралич: не хотел он такого жалкого существования. Однако эта версия была состряпана явно наспех, да и описание событий его последнего дня не укладывается в эту версию. По свидетельству Зинаиды Григорьевны, Морозов с удовольствием купался в море и любовался закатом, потом с аппетитом поел устриц и предложил ей после возвращения отправить на море и детей, оставшихся в этот раз с бабушкой, далее он намеревался сходить в казино, однако не хотел, чтобы она его сопровождала: недавно он проигрался, потому что она была рядом.

Когда Зинаида хотела прокатиться и стала примерять шляпку перед зеркалом, за ее спиной в проеме двери на мгновение появилось лицо какого-то мужчины, она спросила: кто это? И Морозов поспешно ответил: никто. Ей показалось, что она узнала инженера Красина. Он действительно появлялся и в Виши, и в Каннах. Существует версия, что Красин через консьержа Жака Ориоля передал Морозову записку, в которой был только вопросительный знак, тот в свою очередь передал Красину записку с восклицательным знаком, и Красин был удручен, что денег больше не будет. Этот эпизод заставил многих подозревать Красина в убийстве Саввы Тимофеевича. По словам жены Морозова, она увидела в окно убегающего мужчину. Сам Красин утверждал, что находился в Лондоне, а позднее пытался провести собственное расследование в Каннах, но все документы дела исчезли.

Мать Морозова поклялась на Библии, что похороны на старообрядческом Рогожском кладбище законны, поскольку ее сын перед самоубийством сошел с ума. Генерал-губернатор Москвы А. Козлов, распорядившись похоронить Морозова по христианскому обряду, подошел к его вдове и сказал, что не верит в самоубийство, поскольку «слишком значимым и уважаемым человеком был Савва Тимофеевич».

Скольким же людям была на руку смерть фабриканта, и сколько человек оказалось втянуто в эту таинственную историю? Его мать Мария Федоровна, жена Зинаида Григорьевна, инженер Красин, актриса Андреева. Мать Морозова получила 90-процентный пай в его предприятии, жена – всё недвижимое имущество, Андреева – страховку, из которой 60 тысяч сразу ушло в партийную кассу. Множество версий выдвигалось относительно причастности этих людей к смерти Морозова, в том числе и со стороны потомков промышленника.

Писатель Горький утверждал, что Морозов всегда опасался «черной сотни», посылавшей ему письма с угрозами. На самом деле эта версия с угрозами объяснялась иначе. Морозову действительно бросали в окно фабрики камни и присылали угрожающие письма, но организовал это его зять Сергей Назаров, муж сестры, чтобы заставить его отказаться от борьбы.

Правительство вело свое негласное расследование и послало в Канны полковника контрразведки Сергея Свирского. Еще один исследователь, племянник Морозова Александр Карпов говорил, что пуля, убившая Морозова, не соответствовала приложенному к делу браунингу. Потом и эти вещественные доказательства исчезли из дела. Но самым удивительным было то, что французская полиция не сделала фотографий тела убитого, а тело его было доставлено в Москву в оцинкованном гробу, обитом сверху деревом. Но и этот гроб впоследствии был подменен другим.

Была среди версий одна на первый взгляд невероятная и даже фантастическая. По словам Горького, среди рабочих Никольской мануфактуры ходила легенда, что Савва Тимофеевич не умер, а пошел в народ. И это вовсе не было сказочным лубком для наивных душ.

С некоторых пор появилась в семье Морозовых загадочная фигура – некий Фома, в генеалогическом древе не упомянутый, однако ставший одним из наследников Саввы Тимофеевича. Каверза заключается в том, что Фома, очень похожий на хозяина, частенько приходил на предприятие, сам работал на станках, читал лекции по химии на курсах, но вместе Савву и Фому Морозовых никто никогда не видел. Впоследствии, получив свою долю в наследстве, этот никому не известный Фома Морозов уехал в Ленинград, где стал руководить фирмой Саввы Морозова. И никто из родственников почему-то против Фомы и его притязаний на наследство не возражал.

В годы Первой мировой войны фирма Фомы поставляла порох Императорскому флоту. А в 1929 году родной брат Саввы Сергей отправился в Ленинград на похороны Фомы Морозова, который упокоился на Малоохтинском старообрядческом кладбище. Говорили, что там какое-то время стояла плита с надписью «здесь покоится Савва Тимофеевич Морозов». Потом она исчезла.

Большие деньги могут многое, а французская полиция хорошо спрятала все концы в воду, разом утратив улики. Во всяком случае, мёртвого Саввы Морозова, кроме его жены и доктора, никто не видел, а вся история с пропавшими браунингами и подмененными гробами напоминала спектакль. Знакомые с Саввой Морозовым люди знали, что он всегда был не чужд мистификаций и сам пробовал себя в актерском мастерстве. Его исчезновение в тот острый момент устроило бы всех членов семьи, а возможно и созванных на консилиум врачей, участвовавших в заговоре одного из самых уважаемых и богатых семейств России.

Загадка Николая Шмита

Не менее таинственно сложилась судьба фабриканта-мебельщика Николая Шмита, но у этой истории не могло быть счастливого конца.

В ночь с 13 на 14 февраля 1907 года Шмит был найден в камере Бутырской тюрьмы с перерезанным горлом. Прокурор окружного суда Владимир Арнольд показал, что арестант лежал на полу в луже крови, а орудием послужил выбитый из окна осколок стекла. Криминалисты и полиция вынесли заключение о самоубийстве.

16 февраля тело было выдано родственникам и сразу захоронено на старообрядческом Преображенском кладбище. Туда пришли тысячи людей с венками и траурными лентами, на которых были надписи: «Гражданину мученику» и «Пусть ты погиб, товарищ, но не умерла идея». Рабочие пели «Интернационал». На плите значилось: «зверски зарезан царскими опричниками 13 февраля 1907 года». «Царские опричники» всё это время хмуρο стояли по периметру площади в ожидании терактов и время от времени изымали подозрительные венки.

Впоследствии мнения относительно гибели Шмита разделились. Самодержавие считало это самоубийством. Рабочие – убийством, осуществленным жандармами. Белая эмиграция утверждала, что смерть Шмита была выгодна тем, кому Шмит завещал свое имущество, т. е. большевикам.

* * *

Савва Морозов хорошо знал Шмита: Николай был его внучатым племянником. Говорили, что в крещении Шмита революцией Морозов сыграл не последнюю роль: именно он увлек родственника революционными книгами и познакомил со своим секретным узником – Николаем Бауманом. Другие полагают, что Николай познакомился с вольными идеями еще в Московском университете, где, подобно Савве Тимофеевичу, учился на физико-математическом факультете.

Прадед Николая, немец Матвей Шмит, родившийся в Риге, осваивался на московском пепелище через пять лет после 1812 года, его продажа мебели и строительство шли успешно. Дед Александр Матвеевич жил в разгар строительства железной дороги и поставлял мебель для вагонов и вокзалов. Его сын Павел Александрович держал фабрику на Пресне и удачно женился на Вере Морозовой, дочери миллионера и владельца мануфактур. У них родилось четверо детей.

Как и Савва Морозов, юный Николай Шмит вынужден был прервать учёбу из-за смерти отца. Павел Шмит завещал продать фабрику и разделить наследство на четверых, полагая, что никто из его детей не сумеет продолжить семейное дело. Николай Шмит действительно еще не достиг совершеннолетия и был растерян и подавлен. Он ушел из университета из-за депрессии, причиной которой была не только смерть отца, но и судьба фабрики: Николай не мог решиться нарушить волю отца, но продавать фабрику не хотелось – он уже имел на нее свои виды.

Чтобы Шмит не остался без образования, ему наняли репетитора – присяжного поверенного Михаила Михайлова, не подозревая о том, что это была секретная операция по внедрению в семью Шмитов большевистского подполья, а Михайлов носит кличку «Дядя Миша» и является правой рукой революционера Леонида Красина. Организовавший внедрение А.Ф. Линк стал опекуном и учителем младшего брата – Алексея. Поселившиеся в доме революционеры изыскивали средства для подпольной организации Красный крест, а беспомощные дети Шмитов оказались легкой добычей.

10 декабря 1904 года Николаю исполнился 21 год, и он мог вступить в наследство. Именно тогда он окончательно нарушил волю отца и стал фабрикантом, чтобы следовать указаниям подпольщиков.

С 1905 года Шмит ввел на фабриках девятичасовой рабочий день, открыл образовательные курсы и амбулаторию. В том же году он начал финансировать большевистскую партию, которой передал 20 тысяч рублей. Такую же сумму Шмит передал М. Горькому на революционную борьбу.

Николай Шмит в тюрьме

Морозов на свои средства выкупил у детей Шмитов их пай, и к 1905 году фабрика превратилась в эпицентр восстания. Еще с середины октября на фабрику поступало оружие, там делались заточки из напильников и шли тренировки по метанию бомб. За месяц Шмит потратил на оружие 85 тысяч рублей, за год – 180 тысяч.

7 декабря 1905 года началась всеобщая забастовка. Отключилось электричество, закрылись предприятия и магазины. Было объявлено чрезвычайное положение. 9 декабря полиция обстреляла дом Фидлера, в котором подпольщики обсуждали план захвата Николаевского вокзала. 10 декабря Пресня воевала на баррикадах. В ночь с 14 на 15 декабря из Петербурга прибыло 2 тысячи гвардейцев Семеновского полка. А 17 декабря в квартире на Новинском бульваре был арестован Николай Шмит. Его доставили в участок на Пресне, и полковник Мин, прибывший туда в 7 утра 18 декабря, сделал ставку на скорость допроса: он всё время предлагал Шмиту время на размышление – минуту, 5 минут, 15 минут. Оставшийся в одиночестве и подавленный фабрикант сдался. Ему предложили написать записку рабочим о прекращении борьбы, чтобы избежать разрушения фабрики. Но в ответ он стал требовать своего освобождения, что было невозможно. И фабрика была разрушена артиллерией.

На допросе Шмит перечислил 20 человек, которым давал деньги, в их числе – Михайлов («Дядя Миша»), Шанцер («Марат»), писатель Горький. Одной из причин гибели Шмита впоследствии называли месть большевиков за эти показания. Самоубийство тоже казалось убедительным: Шмит был деморализован на допросах и подавлен собственной откровен-

ностью. В камере он осознал ужас кровавых дней в Москве и собственного предательства, поэтому покончил с собой.

Третьей причиной называли убийство Шмита жандармами при попытке к бегству. По 100-й статье уголовного уложения Российской империи Шмиту грозил смертный приговор, и рабочие действительно дважды пытались освободить своего лидера, но Шмита перевозили то в Таганскую, то в Бутырскую тюрьму, и обе они хорошо охранялись.

В то же время арестант вел себя неадекватно, и его подвергли медицинскому освидетельствованию, которое проводили независимо друг от друга светила науки – Петр Ганнушкин и Владимир Сербский. Они пришли к одному выводу – «Паранойя Оригинария Зандер». В заключении говорилось, что Шмит страдает галлюцинациями, ему мерещатся голоса, у него мания преследования и мания величия. Возможно, так оно и было, но и сам Шмит стремился выйти из тюрьмы, и профессора явно сочувствовали и были склонны ему подыграть. Они оба были настроены против власти, а Сербский в 1905 году выступал с утверждением, что обстановка в стране способствует развитию психических заболеваний. Шмит оказался удачным подтверждением этого доклада.

После этого адвокат Шмита стал настаивать на его помещении в специальную больницу, но ему было отказано. Однако он получил разрешение на освобождение арестованного под залог.

Выпустить Шмита должны были 15 февраля 1907 года. А в ночь на 14-е его обнаружили зарезанным. Этот парадокс отменяет версию о попытке освобождения рабочими и кажется нелепым в отношении версии о самоубийстве. Вполне правдоподобно выглядела версия о том, что полиция не хотела выпускать его под залог и расправилась с ним. Об этом свидетельствовало и последнее письмо Шмита сестре Кате: «Еще вчера вечером появились необычные признаки и необычные отношения. Надзиратели, что то-то утаивавшие от меня, а вместе с тем говорившие о разных зловещих для меня слухах. Тогда я убедился, что затевается надо мной расправа, и добивался перевода к товарищам, чтобы вместе провести остаток моей жизни и через них передать вам письма. Но мне во всем отказано. Я сижу один, спокоен, и жду, что будет». Впрочем, это письмо, переданное полицией Екатерине Шмит, как раз могло быть подтверждением мании преследования, которой страдал арестованный.

И наконец, существовала версия о судьбе капиталов Шмита. Кто получал наибольшую выгоду от такого наследства? Его завещание составляло 280 тысяч рублей, и все они достались РСДРП. Сам он был не женат, а сестер контролировала партия большевиков. Катю и Лизу выдали замуж за деятелей РСДРП Николая Андриканиса и Александра Игнатьева. Позднее Елизавета Шмит стала женой еще одного партийца Виктора Таратуты.

Заслуги погибшего Шмита перед партией и революционным движением большевики не забыли: его именем был назван проезд на Пресне. Позднее там был создан музей вооруженного восстания. Драматург Москаленко написал трогательную пьесу «Любящий вас Коля», и она была поставлена в Театре на Малой Бронной в 1987 году – к 80-летию гибели Шмита.

Сохранились фотографии красивого и несколько меланхоличного юноши. В тюрьме на прогулке, в окружении жандармов, у него было странное выражение лица – то ли бесшабашное, то ли равнодушное к своей участи. Николаю Шмиту было только 24 года.

«До царя дойду, а своего добыюсь!»

Это имя все советские люди знали с первого класса школы – лживый «поп Гапон», провокатор, заманивающий доверчивых бедняков на демонстрации, где их убивают царские жандармы, был задушен подпольщиками и спрятан на вешалке, под пальто. Сказочная история, но для детей однозначная и не нуждающаяся в комментариях.

Комментарии и вопросы появились позднее. Биография у Гапона внушительная. Священник Русской православной церкви, оратор и проповедник, профсоюзный лидер, политический деятель, создатель и руководитель организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». 9 января он организовал рабочую забастовку и массовое шествие к царю. Чем оно закончилось, известно – «Кровавым воскресеньем», которое привело к первой русской революции 1905–1907 годов. Находясь в эмиграции, Гапон организовал Женевскую межпартийную конференцию 1905 года и договорился о поставке в Петербург оружия с парохода «Джон Графтон», чтобы поднять восстание. Не удалось. Вернувшись в Россию в ноябре 1905 года, неуемный батюшка вновь возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» и вступил в переговоры с графом Витте. Теперь Гапон выступал против революционной борьбы и возлагал надежды на реформы, включенные в Манифест 17 октября.

В марте 1906 года Георгий Гапон был убит в Озерках боевиками-эсерами за предательство дела революции.

Такова официальная биография. Но она не отвечает на вопрос: зачем священнику понадобилось совершать столько странных и нетипичных для его сана поступков? Начать следует с того, что Гапон был из крестьян, т. е. к церковным династиям не принадлежал. В детстве он пас скотину и занимался тяжелым трудом. В школе он проявлял способности, но родители отдали его в духовное училище. Что такое духовные училища того времени, можно узнать из повести Помяловского «Очерки бурсы», и в комментариях это не нуждается. Когда он учился во втором классе Полтавского духовного училища, прогрессивный учитель Трегубов давал ему читать преданного анафеме и запрещенного Льва Толстого. Далее, поступив в Полтавскую духовную семинарию, Гапон подвергся влиянию другого толстовца – Исаака Фейнермана, совершавшего паломничества в Ясную Поляну. Открыто цитируя Толстого, Гапон вызвал недовольство начальства семинарии и демонстративно отказался от стипендии, занявшись репетиторством. Он был лучшим учеником семинарии, но диплома первой степени из-за своих взглядов не получил и не смог попасть в университет, поэтому устроился в ведомство и стал заниматься сельской статистикой.

Возможно, после всех этих проблем Гапон никогда не стал бы священником, но в 1894 году его угораздило жениться на молодой, энергичной купчихе, и духовный сан он принял по настоянию жены. Впрочем, Гапон любил жену. А тут еще епископ Илларион неожиданно одобрил решение Гапона, обещал ему свое покровительство. Это было понятно: Георгий Гапон проявил себя талантливым проповедником и хорошим учителем, он был всесторонне образован и талантлив. Он довольно быстро получил должность священника в бесприходной церкви Полтавского кладбища. На его проповеди являлись толпы верующих, а он помогал беднякам и не брал денег за церемонии с неимущих. После службы он организовал при церкви слушания, на которые тоже стало приходить много людей. Конкурентов нигде не любят, и вскоре его обвинили в похищении паствы у других приходов. Но Гапон не испугался и назвал своих коллег фарисеями и ханжами.

Подкосила его смерть жены в 1898 году. Он её очень любил, а надо было ещё заботиться о двух маленьких детях – Маше и Алеше. Хотелось переменить жизнь, уйти от этих дрызг с пастырями. И Гапон отправился поступать в Петербургскую духовную академию – высшее

учебное заведение для священнослужителей. Епископ Илларион и обер-прокурор Победоносцев помогли ему рекомендательным письмом, и Гапон оказался в академии. Однако, проучившись всего один год, он понял, что ему вся эта схоластика не интересна: ничего общего с жизнью она не имела.

Бросив учебу, Гапон отправился в Крым, где ему встретился художник Василий Верещагин. «Брось ты рясу, – пробасил Верещагин. – Займись делом и работай на благо народа». Они ненадолго переживут друг друга: вскоре началась Русско-японская война, и Верещагин погиб 31 марта 1904 года, во время взрыва броненосца «Петропавловск».

Эти крымские впечатления решили судьбу Гапона. Он вернулся в Петербург. Там его дела пошли в гору, и он обрел в церкви много покровителей. Гапон собирал верующих, объяснял им, что в основе всего – труд и собственное достоинство. Однако при капитализме никакой труд бедняков не спасал, и Гапон, видя нужды людей, не знал, как им помочь. Он решил собрать верующих в некое благотворительное христианское братство и создал «Общество ревнителей разумного христианского проведения праздничных дней». Предполагалось, что члены общества станут помогать друг другу материально в трудных случаях, однако устав братства начальство не одобрило, и Гапон вновь сменил место работы. Теперь он был настоятелем сиротского приюта святой Ольги и священником приюта Синего Креста. Приюты содержались благотворительностью высшего света, и Гапон пошел в высший свет. Как всегда ненадолго: там его хорошо приняли, но вскоре смотрели на него с недоумением и не знали, что с ним делать.

Интересная вещь: все фотографии Георгия Гапона показывают, что он был вовсе не каким-то мелким жуликом, нанятым провокатором охранки, задушенным рабочими подделом, как нам внушалось долгое время.

Красивое и бесстрашное лицо, прямой взгляд серых глаз, волевая складка губ. Он хотел добиться справедливости и умел нравиться людям. Только не знал, как и где этой справедливости добиться, поэтому и бегал кругами – вокруг священников, дворянской элиты, придворных, полицейских. Жизнь бросала его, одаренного и в то же время наивного, во все углы русского общества начала XX века, и везде он оказывался яркой, привлекательной, но не желанной звездой. Ему казалось, что вот сейчас, когда он поведет людей к царю, когда он встретится с всемогущим Витте, когда он станет контролировать эту жизнь и направлять её, всё в России изменится. Но менялся только он сам и все время менял свои взгляды, методы, мнение о людях и влияние на людей. Бурная деятельность Гапона впечатляет. Он готовил обновленный проект системы благотворительных учреждений, предусматривавший создание трудовых колоний для босяков. Когда ему вновь вставляли палки в колеса, он настроил паству против своих притеснителей, и прихожане устраивали демонстрации и закидывали камнями противников Гапона.

Жизнь Георгия Гапона трагически закончилась в Озерках под Петербургом в апреле 1906 г.

При этом боевой священник ухитрился найти себе среди воспитанниц новую жену – Александру Узадлёву, с которой стал жить гражданским браком. Тут ему напомнила о себе Петербургская духовная академия – Гапона отчислили с третьего курса за несданные экзамены, а потом предложили явиться в Департамент полиции. Вскоре после этого визита Гапон был восстановлен в академии, и ходили слухи, что полиция сыграла здесь не последнюю роль: Гапон от безвыходности согласился сотрудничать с охранкой, а его в свою очередь прикрыли.

Почему же честный Гапон вдруг решил работать на полицию? Думается, главную роль в этом перерождении (или заблуждении) Гапона сыграл умный и опытный работник сыска Сергей Зубатов, сумевший внушить Гапону, что задача полиции в трудные времена – создавать легальные рабочие профсоюзы для решения своих проблем не революционным, а мирным путем. Гапон поверил: это было очень похоже на его собственные мирные предложения по благоустройству России. Он в эйфории начал создавать эти общества и докладывал полиции об успехе нового дела и перспективе на будущее. Гапон только просил полицию временно отойти в сторону и не вмешиваться, поскольку её авторитет в народе подорван. Обескураженный Зубатов понял, что благодаря неумной энергии Гапона и его странным представлениям о происходящем весь полицейский замысел по контролю над рабочими революционерами повернул не в то сторону. А тут ещё после отставки Зубатова деятельность Гапона стал курировать Евстратий Медников – чванливый и недалекий любитель наружного наблюдения и взятки. Он Гапону не понравился. С этого момента Гапон потерял доверие к полиции. Он заменил всех людей Зубатова в рабочих обществах на своих соратников и шел на любые хитрости, чтобы усыпить бдительность полиции. Нередко ему это удавалось: «Я с самого начала, с первой минуты водил их всех за нос. На этом был весь мой план построен». Неожиданностью стали события Кровавого воскресенья 9 января 1905

года. К этому моменту Гапон перестал контактировать с полицией, и 8 января был объявлен в розыск.

Ему верили, его считали пророком. И однажды наступил момент, когда слишком заметный, но совершенно неорганизованный Георгий Гапон оказался никому не нужен – духовенству, рабочим, дворянам, большевикам, царю, эсерам. Он не понимал, что происходит вокруг, пытался изменить общество вопреки его, общества, законам. Часто из-за него гибли люди, он всем только мешал, и тогда из него сделали показательную фигуру. Его убийц тогда не нашли, но через несколько лет подозрение пало на эсера Петра Рутенберга, который признался, что совершил акцию по приказу своего руководства, в частности Евно Азефа. Самым удивительным в этой истории было то, что незадолго до этого Рутенберг спас жизнь Гапону: он тоже участвовал в шествии к Зимнему дворцу и вытащил священника из-под обстрела. Но через год Гапон рассказал Рутенбергу о связи с полицией, о чём тот и доложил руководству. 26 марта Гапон был приглашен в Озерки, на дачу, где Рутенберг спровоцировал его на признание для группы боевиков, скрывавшихся в соседней комнате. Потом Рутенберг вышел на веранду, а боевики задушили Гапона и подвесили на крюк в прихожей.

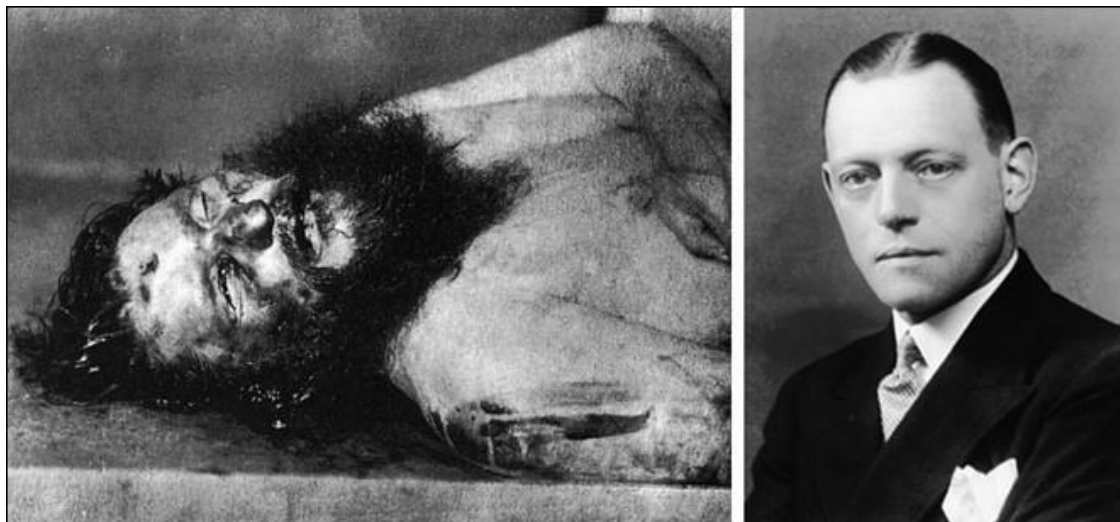
Был ли Гапон провокатором? Из всех его поступков вытекает несколько иной вывод, а его современнику Карелину принадлежат слова: «Гапон по своему внутреннему существу – не только не провокатор, но, пожалуй, такой страстный революционер, что, может быть, его страстность в этом отношении несколько излишня. Он, безусловно, предан идее освобождения рабочего класса, но так как подпольную партийную деятельность он не находит целесообразной, то он считает неизбежно необходимым открытую организацию рабочих масс по известному плану и надеется на успешность своей задачи, если отдельные группы сознательных рабочих сомкнутся около него и дадут ему свою поддержку».

Властитель умов и сердец

Григория Распутина можно назвать романтическим идеалом для России, как Наполеона – для Европы. У каждой стороны света свой нор. В России Распутин с его лапотным мистицизмом оказался понятнее.

Простой крестьянин из села Покровское Тюменской губернии, оказавшийся в начале XX века пророком и серым кардиналом Российской империи, – пожалуй, самая удивительная фигура в русской истории и мифологии. Возможно, о нём никогда бы не узнали. Но, по словам Распутина, голос свыше сказал ему, что он нужен в Петербурге, и он в 1903 году двинулся в путь пешком, как истинный странник, а к 1904 году добрался до столицы империи. Слава о его набожности и способности исцелять дошла до крайне правого деятеля православной церкви Иоанна Кронштадского, и тот благосклонно принял путника и ввел в свой круг.

В 1907 году, когда императрица уже заламывала руки и теряла сознание от невозможности спасти умирающего престолонаследника Алексея, две живущие при дворе родственницы услужливо посоветовали обратиться к удивительному крестьянину.

Английский агент Освальд Рейнер – тот, кто произвел контрольный выстрел в голову Распутина

Императрица сомневалась, знает ли простой крестьянин, что такое гемофилия. Но Распутин сказал, что знает и однажды уже лечил её с помощью трав. Царевич Алексей терял последние силы, истекая кровью, и надеяться можно было только на чудо. Григорий Ефимович совершил чудо, но сведений о его методах не сохранилось. Александра Федоровна считала это мистикой и говорила, что было ей такое пророчество: в час бедствий спасет ее простой русский крестьянин. Только тогда ей не было сказано – каких именно бедствий.

Когда Распутина приблизили ко двору, правительственные чиновники боялись его пуще смерти, а он своей волей назначал и снимал министров. Из-за этого правительственный кризис в России прозвали министерской чехардой, а совет министров стали называть кувырк-коллегией.

Власть этого человека оказалась столь велика, что даже премьер-министру Столыпину, проезжавшему в карете, он мерещился в уличной толпе, как зловещее предзнаменование смерти. Столыпин Распутин тоже намеревался загипнотизировать, но тот начал кричать и махать руками, как только заметил этот неподвижный взгляд. Именно после того случая

премьер-министр направился к царю и предъявил ему папку с полученными донесениями, где все «подвиги» Распутина в трактирах, банях, публичных домах и дворцовых покоях были расписаны в красках. О Распутине ползли слухи, на него давно уже рисовали карикатуры, а его похождения попали на газетные полосы. Тогда полиция установила над ним негласный надзор. С этими сведениями Столыпин и пришел к Николаю II.

Но Столыпина это, как известно, не спасло. На одном из приемов Распутин приблизился к нему, а потом упал на пол и стал биться, крича: «Смерть! За его спиной – смерть!» После этого премьер-министр был убит террористом.

В годы Первой мировой войны Распутин мог через монарших особ менять расположение армий и ход боевых действий одним своим предсказанием. Но в большей степени он пытался повлиять на императора с целью предотвратить участие России в войне. Когда император от безвыходности отправился на фронт и сам возглавил армию, Распутин употребил всё свое влияние на Александру Федоровну, чтобы отвратить её от войны и кровопролития.

Так кем же был Распутин? Блудодеем, пьяницей и самым сатаной? Или знахарем, пророком и миротворцем?

Версия первая: алкоголик и блудодей

«Год его рождения историками точно не установлен, – зловещим голосом вещал один летописец. – Известно только, что он появился на свет в убогой сибирской деревушке, затерянной между Тюменью и Тобольском. Отец Григория – пьяница и вор Ефим Новый – воспитывал сынка по-своему: кнутом и водкой. Когда Гришка подрос, сельчане наградили его прозвищем “Распутин”: парень не пропускал ни одной юбки, а о его сексуальных подвигах вскоре прознали во всех окрестных деревнях. Он умудрился обрюхатить не меньше дюжины деревенских красавиц, когда попал в популярную тогда религиозную секту хлыстов. После этого свои эротические похождения Григорий успешно сочетал с деятельностью проповедника».

«Как-то во время обряда изгнания бесов он лишил невинности монахиню, а в Петербурге посещал публичные дома, где пьянствовал, дрался и гонялся за проститутками», – продолжал второй составитель распутинской летописи.

«Говорили, что у него редкое сексуальное отклонение – перманентная эрекция, поэтому к нему так тянутся скучающие светские дамы и фрейлина самой императрицы Анна Вырубова, – вторил третий. – И даже, – он понизил голос, – о соблазнении государыни шли слухи».

«А еще, – добавлял четвертый, – он за взятки раздавал места в правительстве, и очередь просителей в его прихожей сидела целый день».

Версия вторая: пророк и спаситель

Позднее, в попытках продемонстрировать народу истинное лицо императора и его окружения, погрязшего в разврате, большевистские комиссии несколько раз подвергали скомпрометированную слухами фрейлину Вырубову унижительному медицинскому освидетельствованию. Но вердикт был одинаковый: она девственница. Её страсть к Распутину оказалась платонической. В своих мемуарах, написанных под конец жизни в одном из финских монастырей, Вырубова писала, что такие же платонические чувства питали к Распутину и другие женщины высшего света: им восхищались и видели в нем наставника и духовного отца.

По словам знавших его людей, он был благочестив и, удаляясь от монарших особ, неистово молился в монастырях. Подарков и денег от царя не брал. И никогда не пытался сойтись с царским окружением, презирая эту праздную публику. Но деньги за чиновные места действительно брал.

С фамилией Новых тоже возникли разночтения. Утверждалось, например, что он так и родился с говорящей фамилией Распутин, а фамилия Новых была дана ему позднее для благозвучия и возникла от того, что царевич, впервые увидев его, закричал: «Новый! Новый!»

Судя по всему, он от природы отличался невиданной силой и выносливостью, обладал экстрасенсорными способностями и неплохо владел гипнозом, что помогало ему воздействовать на людей.

* * *

Григорий Распутин настолько оброс всевозможными версиями и легендами, что невозможно понять, где правда, где вымысел – и это не во времена былин и скоморохов, а всего лишь век тому назад.

На него охотились. Когда Распутин вернулся ненадолго в родные места, за ним увязалась какая-то женщина. Внезапно она выхватила нож и нанесла ему тяжелое ранение. Именно тогда, не имея возможности вернуться в Петербург, он написал пророческое письмо Николаю II. Распутин утверждал, что скоро погибнет – еще до 1 января 1917 года, и если убьют его крестьяне, то ничто царю и России не грозит, если же это будут люди, родственные двору, то власть императора продлится лишь три месяца, а потом Россия ввернется в хаос и братоубийственное кровопролитие. Всё произошло именно так, как он предсказывал.

Арестованная женщина, совершившая покушение, оказалась пациенткой Царицынской психбольницы Феонией Гусевой, ранее входившей в число его поклонниц.

Второе покушение на Распутина произошло уже в Петербурге. Оно-то и вызвало больше всего вопросов.

Версия Феликса Юсупова

30 декабря 1916 года Распутин был приглашен во дворец самых богатых аристократов того времени князей Юсуповых. Предлогом стала мигрень у первой красавицы столицы Ирины Юсуповой. На самом деле Ирины в ту ночь даже не было во дворце. Князь Феликс Юсупов провел святого старца в подвал, стал потчевать пирожными и поить мадерой.

В заговоре, кроме него, состояли еще четыре человека – лидер монархической организации «Союз Михаила Архангела», депутат Владимир Пуришкевич; двоюродный брат Николая II, великий князь Дмитрий Павлович; главный врач Отряда Красного Креста капитан медицинской службы Станислав Лазоверт; приятель Юсупова, поручик лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Сухотин.

Доктор Лазоверт начинил пирожные цианистым калием, но не знал, что сахар нейтрализует действие яда. Распутин съел пирожные безо всякого вреда. Феликс Юсупов на грани нервного срыва выстрелил в него. Пуля вошла через желудок и задела печень. Но раненый Распутин выбрался из дворца и пытался уйти, после чего ему в спину выстрелил Пуришкевич. Не сумев и на этот раз убить Распутина, заговорщики положили его в мешок и поволокли к мосту, с которого сбросили в Невку. По этой версии, наиболее известной в России, Распутин продолжал бороться за жизнь даже в ледяной воде, но захлебнулся и умер. Его тело под водой замерзло.

Именно так всё описали Юсупов и Пуришкевич в своих мемуарах. При этом они явно путались в показаниях. К тому же Юсупов утверждал, что Распутина убил он, а Пуришкевич

брал вину на себя. Позднее к ним присоединился еще и поручик Сухотин, который вообще не стрелял.

Однако недавно появилась новая версия.

Версия инспектора Ричарда Каллена

19 июня 2007 года ветеран Скотланд-Ярда инспектор Каллен обнародовал собственное расследование этого происшествия. В расследовании Каллену помогали британский историк Эндрю Кук и петербургский следователь Илья Гаврилов, который когда-то был его учеником.

Прибыв в Петербург, Каллен отправился в музейный архив за фотографиями трупа и обнаружил на лбу Распутина отверстие от пули, о котором никто ранее не упоминал. Каллен сразу понял, что в этом деле был еще один человек – профессиональный и обученный убийца. Не тонул Распутин в водах реки: его убили контрольным выстрелом в голову, и сделал это сотрудник британской разведки.

Изучая документы, сыщик обнаружил в окружении Юсупова англичанина, с которым тот познакомился во время учёбы в Оксфорде. Звали его Освальд Рейнер, и он был сотрудником британской разведки СИС – предшественницы Ми-6. Штаб британской разведки находился недалеко от дворца Юсуповых – на другом берегу реки, в гостинице «Астория». За Рейнером стоял британский резидент Джон Скейл, человек, входящий в кабинеты российской власти. Каллен называет Скейла «ключевым игроком» – т. е. разведчиком с особыми полномочиями. Доказательств оказалось даже больше, чем хотелось получить Каллену: письма, донесения, отчеты о проделанной работе. В этих отчетах об убийстве у Распутина было кодовое наименование «Тёмные силы». Скейлу была адресована записка: «Хотя не всё произошло в соответствии с планом, наша цель была достигнута. Известие об уничтожении «Темных сил» всеми было принято благосклонно. Рейнер, подчистив следы, безусловно, даст вам отчет по возвращении».

По восстановленной Калленом картине преступления, Распутин ещё был жив, когда его волокли к воротам, но там, у ворот, кровавая дорожка расширилась, и это означало, что именно там стоял еще один человек – Рейнер: он-то и произвел контрольный выстрел в голову. Единственное, что выбивалось из этой версии – попытка Каллена придать черты завербованного британцами агента простой крестьянке Феонии Гусевой.

После заявлений Каллена появились еще некоторые предположения. Так, эксперт Юрий Каменский, не отрицая версии Каллена, задался вопросом, как во дворце оказался никем не упомянутый Рейнер, человек-невидимка. Каменский предложил занятную версию: Рейнер находился там под видом доктора Лазоверта, поскольку наложение фотографий Рейнера и Лазоверта выявляет 100-процентное сходство. Но кем тогда был Лазоверт и был ли он вообще?

* * *

Однако самым шокирующим моментом в этом расследовании оказалась обнародованная причина убийства Распутина. В 1916 году англичане понимали, что от германского нашествия их прикрывает только Российская империя, ведущая тяжелые бои на восточном фронте. Влияние Распутина на царскую семью было столь велико, что Великобритания забеспокоилась: если бы Распутину удалось убедить российского императора в том, что необходимо выйти из кровопролитной войны, войска германцев повернули бы на Запад. Именно поэтому британская разведка поспешила ликвидировать влиятельного

старца. Невольно задумываешься о том, что это убийство, возможно, стоило жизни тысячам русских людей.

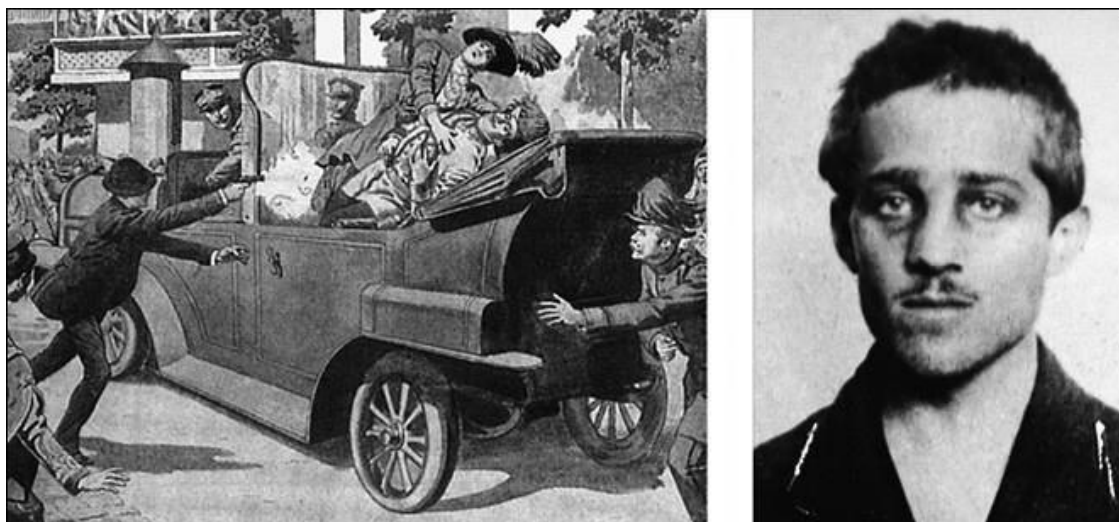
Военные тайны

Существует понятие «точки бифуркации». Так историки привыкли обозначать радикальные и непредсказуемые события, которые в одночасье меняют весь ход истории или внезапно придают всей нашей жизни ускорение. Можно спорить о том, являлось ли убийство наследного принца такой точкой бифуркации, или же оно было предсказуемо. Однако ускорение ходу истории оно, безусловно, придало, и не только. Один день в Сараево ознаменовал собой переход к иной цивилизации. В сущности, переход от XIX к XX веку произошел вовсе не на рубеже этих веков, а именно в 1914 году, когда жизнь изменилась до неузнаваемости – в политическом, нравственном, эстетическом и бытовом смысле.

Выстрелы в Сараево

28 июня 1914 года без 10 минут 11 утра 19-летний Гаврило Принцип двумя выстрелами убил в городе Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, чешскую графиню Софию Хотек. Убийство престолонаследника послужило формальным поводом к Первой мировой войне: она была официально объявлена ровно через месяц после покушения. Этого же самого месяца Гаврило Принципу не хватало до смертного приговора: он родился 25 июля 1894 года, и в момент совершения убийства ему еще не исполнилось двадцать лет.

Говорят, что личность жертвы многое проясняет. Личность оказалась малопривлекательная, но и вполне заурядная. Эрцгерцог не был интересной фигурой: он был угрюм, дурно воспитан и неприятен внешне.

28 июня 1914 года Гаврило Принцип в городе Сараево совершил покушение на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, графиню Софию

Придворные старались как можно реже попадаться ему на глаза. Несмотря на то, что гувернер Онно Клопп внушал своему воспитаннику идею о «божественном избранничестве», ни к наукам, ни к языкам этот «избранник» оказался совершенно не способен. Решив выучить итальянский язык, он был крайне раздосадован сложностью грамматики и посвятил себя более доступному для его интеллекта делу – охоте. С детства эрцгерцог развлекал себя неумным и бессмысленным уничтожением животных. Первого слона он убил в 9-летнем возрасте, за всю жизнь успел убить 274 511 оленей, а в 1908 году гордился «дневным рекордом»: застрелил за один день 3000 чает. Кровавый след Франца Фердинанда тянулся по всему миру – от Цейлона до Африки.

Франц Иосиф I откровенно презирал племянника. Императора возмущало, если эрцгерцога где-нибудь торжественно принимали.

Соотечественники не видели в наследнике будущего лидера страны, и его смерть не стала для страны чем-то уникальным: даже узнав об убийстве Франца Фердинанда, австрийцы продолжали веселиться и танцевать на площадях. Поэтому эрцгерцог послужил скорее символом покушения на австрийскую государственность, нежели живой, человеческой трагедией.

После покушения правительство в Вене сразу предположило, что за нападением стоит Сербия, главный враг Габсбургской монархии на Балканах. Одержав несколько побед над

Османами и присоединив македонские земли, Сербия питала надежды на создание «великосербского» государства-колосса. 3 июля 1914 года в будапештской газете появились показания убийц о том, что в Белграде у них были соучастники. Это подтверждалось и тем, что сербская пресса поспешила объявить Принципа «национальным героем».

Местом встреч Принципа, Грабца и Габриновича была кофейня «Код «Албани»», на углу центральной площади Белграда Теразие. В 1911 году Гаврило Принцип вступил в тайный национально-освободительный союз «Молодая Босния», студенческую организацию молодых бунтарей. Но Принцип и Габринович быстро поняли, что «Молодая Босния» недостаточно серьезная организация. Поиски более влиятельного союза привели их в группу «Единство или смерть», известную в народе как «Черная рука». Ею руководили военные из генштаба и законспирированные агенты секретной службы Сербии. Одним из создателей этого союза был руководитель сербской разведки Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис, известный участием в убийстве сербского короля Александра Обреновича и его жены. Чин полковника он получил за это убийство. Покровительство полковника Аписа позволило Принципу и его товарищам проводить тренировки по стрельбе на закрытом полигоне сербской армии. Оружием молодых террористов снабжал подпольщик «Молодой Боснии», учитель и социалист Данило Илич, переводчик романа Горького «Мать». Стрелять их учил еще один член организации Милан Циганович.

В марте Габринович получил сообщение из Сараево, что эрцгерцог приедет на летние маневры в Боснию. Приглашение исходило от наместника Боснии и Герцеговины, австрийского генерала Оскара Потioreка. Визит престолонаследника на Балканы был расценен сербскими националистами, как вторжение врага южных славян на их территорию: день визита считался в Сербии национальным праздником поминовения погибших, и маневры выглядели кошунственно.

Утром 28 июня 1914 года шестеро террористов прибыли к месту следования кортежа эрцгерцога, на набережную реки Милечки, и рассеялись по маршруту королевского конвоя, где оказалось на удивление мало австрийских солдат и сто двадцать полицейских, находившихся среди толпы. Позднее комиссия, расследовавшая происшествие, вынесла вердикт: «Охрана была организована из рук вон плохо. Если сказать точнее: ее вообще не было».

В 10.26 утра Габринович первым увидел кортеж. Он бросил бомбу, но неудачно: шофер эрцгерцога Леопольд Лойка резко свернул в сторону, и бомба взорвалась рядом с машиной эскорта, убила шофера второго автомобиля и ранила нескольких армейских офицеров. Габринович проглотил яд, а потом бросился в измельчавшую речку, где его схватили полицейские.

Гаврило Принцип, услышав взрыв, решил, что дело сделано, и пошел в кофейню. Тем временем живой и невредимый Франц-Фердинанд прибыл в ратушу и, выступив с небольшой речью, отправился в больницу навестить раненого осколками бомбы полковника Мерици. Барон Морсей тревожился и предлагал наместнику Потioreку очистить улицы от посторонних, но тот заносчиво спросил: «Вы считаете, что Сараево прямо кишит убийцами?»

Выехавший кортеж почему-то сразу свернул не в ту сторону. Первоначально было решено ехать по набережной Аппель, но Потioreк забыл сказать об этом шоферу, и тот повернул на улицу Франца Иосифа. За первой машиной двинулся весь кортеж. Потioreк в истерике закричал: «Стой! Не туда! Поезжай прямо! Скорее! Да что это? Это же не та дорога!» Шофер Лойка затормозил, и остановившаяся процессия образовала на улице затор. Идеальные условия для убийства.

По случайному совпадению (случайному ли?) на этой же самой улице оказался Гаврило Принцип: он вышел из кофейни и остановился возле магазина деликатесов Морица Шиллера, намереваясь купить бутерброд. Увидев кортеж, Принцип остолбенел, но в следую-

щее мгновение выхватил браунинг и дважды выстрелил в зафиксированную уличной пробкой мишень. Первая пуля попала в шею эрцгерцога и застряла в позвоночнике. Принцесса Софи вскочила, и ее сразила вторая пуля. Принцип попал ей в живот, но утверждал, что стрелял не в нее, а в Потioreка. Эрцгерцог обхватил голову жены и закричал: «Соферль, не умирай, пожалуйста, живи ради детей!».

Эта фраза тоже станет достоянием общественной памяти, как и окровавленные подтяжки эрцгерцога, выставленные вместе с обломками золотого браслета принцессы в весьма популярном трактире Леопольда Лойки. Этот трактир с постоянным двором в городе Брно Лойка купил на выписанную ему премию в 400 тысяч крон. Но его странная роль в этом деле и его неожиданный поворот не на ту улицу так и остался не проясненным.

Франц Фердинанд умер, его жена скончалась пятнадцатью минутами позже. Гаврила Принцип, подобно Габриновичу, проглотил яд, но он тоже не подействовал. На Принципа набросились полицейские. В тюрьме арестованного зверски избили, и руку из-за нескольких переломов пришлось ампутировать.

Император Австрии Франц Иосиф, узнав об убийстве, разрыдался и воскликнул: «Существует ли на свете хоть одно тяжелое испытание, которое бы меня миновало? Никого в моей жизни не пощадили! Нет у меня сына, нет жены, а теперь они убили и моего наследника...»

Участие полковника Дмитриевича в убийстве было доказано в 1917 году, когда он был арестован в Греции по обвинению в покушении на принца-регента Александра. Полковника задержали в городе Салоники, в резиденции сербского правительства в изгнании.

10 апреля 1917 года заключенный под стражу Дмитриевич передал военно-полевому суду рапорт, в котором признал свою ответственность за убийство в Сараево. Но было это лишь поддержкой заговорщиков или все нити заговора сходились в его руках, так и осталось тайной, которую Апис унес в могилу вместе с собой.

По австрийским законам военное лицо за преступление против государства приговаривалось к расстрелу, штатское – к повешению. 3 февраля 1915 года были повешены в Сараево три активиста «Черной Руки» – Данила Илич, Мишко Йованович и Велко Кубрилович. Еще двоим после апелляции смертный приговор заменили длительным заключением. Полковника Дмитриевича, полностью признавшего свою вину в убийстве короля Александра и участия в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда, расстреляли 26 июня 1917 года.

28 октября 1914 года Гаврила Принцип, Неделко Габринович и Трифко Грабец были приговорены к 20 годам тюремного заключения. Тюрьма Терезин, превращенная впоследствии в концлагерь, славилась ужасными условиями. Габринович скончался от туберкулеза, Грабец от истощения. Гаврило Принцип умер последним – в апреле 1918 года. Ему было 23 года.

Но это еще не всё.

Таинственные беглецы

Ядом обоих террористов снабдил Милан Циганович. Сам он успел скрыться в Албании и был объявлен в розыск. На самом деле ему устроили побег. Премьер-министр Сербии Никола Пашич сообщил австрийцам, что еще 28 июня заговорщик уехал из Белграда в неизвестном направлении, и найти его не представляется возможным. Здесь вышла нелепая накладка, потому что в интервью сербским журналистам начальник белградской полиции заявил, что в Белграде вовсе никогда не было человека с фамилией Циганович. Впоследствии австрийская сторона выяснила, что начальник полиции лично устроил Цигановичу побег на территорию Албании и оформил это как командировку от полицейской префектуры в город Рибари, где его временную резиденцию охраняла местная полиция. Циганович не чувствовал себя одиноким, поскольку компанию ему составил еще один член запрещенного общества «Народна Одбрана», майор Александр Серб.

Изгнание Цигановича длилось ровно месяц, поскольку потом началась Великая война. После этого объявленные в розыск Милан Циганович и его начальник ВойяТанкосич командовали отрядами македонских революционеров комитаджей. А еще через год Скупщина дала указание железнодорожному ведомству выплатить Цигановичу всю зарплату за два года, хотя он не работал ни дня. В Сербии он уже считался национальным героем, как и другие заговорщики.

* * *

28 июня одним из первых на пути следования кортежа эрцгерцога оказался член «Молодой Боснии» Мухамед Мехмедбашич, ранее пытавшийся совершить покушение на губернатора Потioreка с отравленным кинжалом. Босниец Мехмедбашич также был завербован для покушения в Сараево, он стоял около здания Австро-Венгерского банка и видел приближающийся автомобиль, но не решился стрелять, потому что у него за спиной оказался полицейский. После убийства эрцгерцога босниец бежал в Черногорию, где 12 июля был арестован.

Показания Мехмедбашича неожиданно расширили географию и круг заговора. След вел во Францию. Арестант полностью сознался в содеянном. Но при этом он заявил, что покушение готовилось в Тулузе в помещении масонской ложи. Именно там, где не было ни Принципа, ни его молодых товарищей, готовился заговор.

А дальше стали происходить удивительные вещи: дав признательные показания, Мехмедбашич на следующий же день бежал из тюрьмы, и его охранников-черногорцев задержали и допрашивали по подозрению в организации побега. Возможно, Мухамед Мехмедбашич просто оказался очень проворным человеком: в эту версию верится с трудом. Возможно также, что кто-то из тюремщиков действительно проявил к нему сочувствие: с чего бы. Но возможен и третий вариант: этот арестант много знал и много говорил. В тюрьме он был опаснее, чем на воле. И если кто-то возразит, что проще было устранить его в тюрьме, на это есть простое объяснение. Во-первых, в те времена насильственные методы к неудобным заключенным применялись не столь широко и часто, как можно подумать.

Мухамед Мехмедбашич

И, во-вторых, в истории известны и другие случаи, когда осведомленных арестантов выпускали из тюрьмы за отсутствием доказательств или же, при наличии доказательств, устраивали им побег, поскольку внезапная смерть такого заключенного могла вызвать резонанс в прессе и общественных кругах.

Версия участия в убийстве австрийского эрцгерцога масонов, готовивших Первую мировую войну, неоднократно появлялась в исторической литературе, и фантастической она отнюдь не выглядит, поскольку никому – ни Австрийской, Германской или Российской империям, ни Сербии, пострадавшей больше всех, эта война оказалась не нужна: в ней проиграли абсолютно все, исчезли с лица земли целых 4 империи, погибло множество людей. Кто же стоял за этой мировой катастрофой и кому это было выгодно? Возможно, именно об этом и не успел рассказать беглец Мехмедбашич, осведомленный больше других заговорщиков.

Дальнейшая судьба Мехмедбашича сложилась весьма причудливо. После своего бегства он пять лет скрывался на территории Сербии, а после Первой мировой войны, в 1919 году, решил вернуться на родину и даже был помилован. Но в 1943 году его настигла Вторая мировая война. Мехмедбашич был убит усташами, и по странному стечению обстоятельств – в Сараево.

* * *

В августе 1914 года началась мировая война, превратившая трагедию в обычную статистику. Теперь исчезали безвозвратно не отдельные люди, а целые военные подразделения.

Исчезновение Норфолкского полка

12 августа 1915 года произошло событие невероятное и необъяснимое. Во время Дарданелльской операции, начатой странами Антанты против турецкой армии, исчез целый британский полк, причем не оставив никаких следов. По свидетельствам очевидцев, полковник Бошем, капитан Бек и еще 15 офицеров и 250 бойцов – всего 267 человек – во время продвижения по долине вошли в странное облако желтого тумана. Когда туман рассеялся, ни живых бойцов, ни их тел обнаружено не было.

«Их унесло облако!» – заявляли те, кто это видел.

Новозеландцы, которые вели наблюдения на высоте, писали в отчете о странной «туче», в которую вошел полк:

«Поднимался день, ясный, безоблачный, в общем, прекрасный средиземноморский день, какого и следовало ожидать. Однако было одно исключение: в воздухе висели 6 или 8 туч в форме “круглых буханок хлеба”. Все эти одинаковые по форме облака находились прямо над “высотой 60”. Было замечено, что, несмотря на легкий ветер, дувший с юга со скоростью 5–6 миль в час, ни расположение туч, ни их форма не изменялись. С нашего наблюдательного пункта, расположенного в 500 футах, мы видели, что они висят на угле возвышения 60 градусов. На земле, прямо под этой группой облаков, находилась ещё одна неподвижная туча такой же формы. Её размеры были около 800 футов в длину, 200 в высоту и 200 в ширину. Эта туча была совершенно плотной и казалась почти твердой структурой. Она находилась на расстоянии от 14 до 18 цепей (280–360 метров) от места сражения, на территории, занятой британцами.

Двадцать два человека из 3-го отделения 1-й полевой роты N.E.Z. наблюдали за всем этим из траншей на расстоянии в 2500 ярдов к юго-западу от тучи, находившейся ближе всех к земле. Наша точка наблюдения возвышалась над “высотой 60” где-то на 300 футов; уже позже мы вспомнили, что эта туча растянулась над пересохшей речкой или размытой дорогой, и мы прекрасно видели её бока и края. Она была, как и все остальные тучи, светло-серого цвета. Тогда мы увидели британский полк (первый дробь четвёртый батальон Норфолкского полка) в несколько сотен человек, который вышел на это высохшее русло или размытую дорогу и направился к “высоте 60”, чтобы усилить отряд на этой высоте. Они приблизились к месту, где находилась туча, и без колебаний вошли прямо в неё, но ни один из них на высоте 60 не появился и не сражался. Примерно через час после того как последние группы солдат исчезли в туче, она легко покинула землю и, как это делают любой туман или туча, медленно поднялась и собрала остальные, похожие на неё тучи, упомянутые в начале рассказа.

Высадка английских войск в Дарданеллах

Рассмотрев их внимательно ещё раз, мы поняли, что они похожи на “горошины в стручке”. В течение всего происходящего тучи висели на одном и том же месте, но как только “земная” туча поднялась до их уровня, все вместе отправились в северном направлении, к Болгарии, и через три четверти часа потерялись из виду».

Описание группы плотных туч, похожих на «горошины в стручке», кажется в те далекие годы невероятным и потому достоверным: едва ли новозеландцы 1910-х годов XX века знали о том, что такое космический «базовый корабль». В те годы и авиация-то едва начала развиваться.

При этом следовало бы обратить внимание на обстановку, в которой происходили военные действия Норфолкского полка. Картина англо-турецкого боя выглядела отвратительно, и многие сравнивали её с адом: раскаленный жар и разлагающиеся трупы, ураганы пыли и эпидемия дизентерии, множество трупных мух и удушающий запах смерти. Из песка торчали человеческие конечности, а сами солдаты походили на ходячие скелеты.

Англичанам противостояли части 36-й турецкой армии под командованием майора Муниб-Бея. По окончании военных действий англичане обратились к туркам за разъяснениями. Однако это ничего не дало. Турция охотно шла на переговоры, отнюдь не скрывала пленных и убитых, но ответила, что никогда не вступала в бой с таким полком, не брала его солдат в плен и даже не подозревала о его существовании. Выяснилось, что среди английских военнопленных нет ни одного человека из пропавшего 1-го батальона 5-го Норфолкского полка, а освобожденные из плена британцы утверждали, что никого из них не видели и ничего о них не слышали.

Это породило бесчисленные мистические версии, вплоть до похищения огромного количества людей летающей тарелкой или перемещения их всех в иное временное или пространственное измерение. Найджел МакКрери написал об этом роман «Вся королевская рать», который в 1999 году был экранизирован Джулианом Джерролдом.

Некоторые объяснения исчезновению такого количества людей всё же имелись. В бухте Сувла, на месте сражений британского десанта, сохранились захоронения, получившие название «кладбище Азмак». Идентифицировать останки бойцов на этом кладбище не представлялось возможным, но там всё-таки обнаружили несколько человек пропавшего

полка. Поэтому внутри «Азмака» был создан отдельный мемориал, условно названный в честь пропавших воинов «5-й Норфолкский». Он состоит из 114 могил. Однако и здесь невозможно обнаружить останки конкретных лиц, пропавших в составе полка.

Существует еще одно объяснение исчезновения норфолкцев, ставшее в 1967 году основой отчета, весьма спорного. Комиссия опиралась на свидетельство офицера Первой мировой войны, занимавшегося захоронениями. Еще 23 сентября 1918 года он показал, что местный турок обнаружил у себя на ферме огромное количество разлагающихся тел, которые он от ужаса сбросил в местный овраг. Многие из солдат были убиты на ферме. Всего этих тел оказалось 180, и в их числе – 122 норфолкца и несколько гентцев, саффолкцев и чеширцев из батальона 2/4. Но офицер путался в показаниях, называл разные географические данные и сообщил, что из норфолкцев удалось опознать только двоих. Где же остальные?

Однако самым интересным оказалось свидетельство того самого турецкого крестьянина, который утверждал, что избавиться от тел его заставил мистический ужас. Все найденные им тела имели очень странный вид, как будто стали жертвой нечистой силы. Все они были удивительным образом раздавлены и искалечены – как будто сброшены с огромной высоты.

* * *

С 1915 года считается, что норфолкцы пропали без вести. Если нет тел, то нет и свидетельства гибели. И более всего исследователей занимало описание странного светящегося тумана, который среди бела дня ослепил сражающихся. Что же это было? Необычное природное явление или свет от прожекторов большого неопознанного объекта?

Королева шпионажа

Самым популярным шпионским скандалом войны 1914–1918 годов считается история танцовщицы храма в Бирме, выдававшей себя за внучку индонезийского императора. Имя Маты Хари оказалось не просто военно-шпионской авантюрой, но и, как сказали бы сейчас, «раскрученным брендом». Громкое дело артистки, соблазнявшей офицеров разведки под кодовым именем «агент Н-21», превратило Мату Хари в героиню приключенческих романов и боевиков. Но до сих пор иногда звучит вопрос: «А была ли она вообще шпионкой или её сделали показательной фигурой и показательной жертвой войны ради резонанса?»

На самом деле обстоятельства её жизни были более чем скромными. Будущую героиню бестселлеров звали Маргарета Гертруда Зелле, родилась она в 1876 году в Голландии в семье шляпника из Лувардена и на острова попала позднее.

За месяц до 19-летия Маргарета вышла замуж за голландского колониального офицера Джона Маклеода, который был на 20 лет старше нее. С ним она уехала в голландскую Вест-Индию и прожила там семь лет, но брак оказался несчастливym, и в 1902 году после возвращения в Амстердам супруги расстались, а в апреле 1906 года узаконили свой развод.

Понимая, что в тихой Голландии многого не добиться, Маргарета переехала в Париж и начала активно эксплуатировать свое восточное прошлое – умение исполнять эротические «танцы живота», манеру одеваться. В то время Европа еще не была знакома с экзотикой далеких земель. Необычная красота танцовщицы, ее иссиня-черные волосы, смуглая кожа, жемчужные гирлянды бус, усыпанная камнями диадема на голове и полуголое гибкое тело притягивали мужчин.

Мата Хари и ее расстрел 15 октября 1917 г. у крепости Венсан в Париже

Высокая и стройная пришельца с Востока быстро привлекла внимание и стала популярной. Именно тогда она сменила простое мещанское имя Маргарета Зелле на звучное «Мата Хари» – «Око солнца» в переводе с малайского. Она утверждала, что родилась на Востоке и священные танцы изучала в храме бога Шивы. На самом деле она никогда не училась хореографии и строила свою танцевальную карьеру на эпатаже и увиденном на островах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.